

Шалости нечистой силы

Автор:

[Татьяна Гармаш-Роффе](#)

Шалости нечистой силы

Татьяна Владимировна Гармаш-Роффе

Частный детектив Алексей Кисанов #5

На этот раз частному детективу Алексею Кисанову предстоит нелегкая работа... Его новый клиент Стасик рассказывает про себя невероятные вещи. То он проснулся... на крыше. То в его отсутствие в квартире кто-то переставил мебель. А один раз среди ночи оказался на кладбище, а вокруг него кружили дьявольский танец вампиры. Неужели он сходит с ума... а может быть, это происки нечистой силы?! Стасик именно так и думал, пока не увидел свой фоторобот со стенда «Их разыскивает милиция»... Алексей Кисанов с интересом берется за дело. Ведь именно в то время, когда со Стасом шалила нечистая сила, в городе прокатилась волна групповых изнасилований, повлекшая за собой череду смертей...

Татьяна Гармаш-Роффе

Шалости нечистой силы

Убивать

сначала время,

потом муху,

возможно, мышь,

потом как можно больше людей,

потом опять время.[1 - Австрийский поэт и философ, 1921—1988.
Пер.В. Куприянова.]

Эрих Фрид

ЧАСТЬ 1

Ловля спелых звезд на крыше

...И звезды были такими крупными, такими спелыми и яркими, словно лежишь под яблоней, а тебе в рот смотрят чистые, умытые яблоки, лучась сытыми боками. Казалось – руку протяни, и сорви сияющий плод, да хрустни на всю округу ледяной и сочной звездой... И вся эта роскошь – всего лишь с высоты какой-то зачуханной пятиэтажки, продравшейся крышей сквозь хмарь московского загаженного неба! А если бы на Останкинскую телебашню забраться? На тот самый высокий, самый последний балкончик, которым окружен шпиль? Оттуда, должно быть, звезды еще вкусней...

Одно было плохо: стылая осенняя ночь выбрала последнее тепло из одежды, и алкоголь, все еще гулявший в крови, уже не согревал.

Зазвонил будильник, и Стасик привычно нашарил его у изголовья. Нажал холодную отсыревшую кнопочку.

И тут же резким рывком сел, испуганно оглядываясь. Сердце заколотилось, как и острая боль в висках. Он спал на...

На крыше?!

Пятиэтажки?!!

И будильник рядом поставил?!!

- С вас тридцать четыре рубля.

Стасик очнулся, тряхнул головой, возвращаясь в действительность, вытащил из кармана потертое коричневое портмоне и стал отсчитывать деньги.

- Молодой человек, вы зажигалку уронили, - обратилась к нему стоявшая за ним в очереди в кассу немолодая тучная женщина.

Действительно, секунду назад что-то звонко треснулось о кафельный пол магазина. Стасик обернулся. В метре от него поблескивало золотистое тельце дорогой зажигалки.

- Это не моя, - пожал он плечами.

- Да, но я видела, как она выпала из вашего кармана! - возразила дотошная соседка по очереди.

«Неужели опять?» - Стало мгновенно жарко, и спина сделалась влажной под дутой синтетической курткой.

- Я не курю, и это не моя зажигалка! - раздраженно бросил он женщине.

- Да, но я видела... - растерялась та. - Она выпала, когда вы вытаскивали кошелек...

- Хорошо! - нервно выкрикнул Стасик. - Хорошо! Она выпала из моего кармана, это моя зажигалка, вот я ее беру, теперь вы отстанете от меня, а?

Женщина покраснела от обиды. Она, можно сказать, из лучших чувств, а ее за это еще и обругали! Вот до чего народ дошел - кидаться стали друг на друга! Ладно бы она попыталась прикарманить чужую вещь, так нет же, хотела честно

вернуть ее хозяину!.. Эх, делай людям добро после этого...

Поджав губы, женщина демонстративно повернулась к Стасику широкой спиной в ярко-синем пальто.

Стасик брезгливо взял в руки зажигалку. Он был близок к истерике. Сунув зажигалку в карман, суетливо расплатился, забрал сверток с колбасой с прилавка и торопливо покинул магазин.

«Все, – думал он, возвращаясь домой, – все кончено. Я болен. Я сумасшедший и kleптоман. Я ворую чужие вещи и даже не замечаю этого. У меня что-то с памятью. К психиатру надо идти, к психиатру! Иначе я и впрямь сойду с ума...

Скорей бы Галка появилась. Пока не сошел».

– Почему так поздно? – вскинулся он, едва Галя открыла дверь.

– Скажи спасибо, что вообще пришла... – рассеянно откликнулась она, снимая шубку. – Муж ко мне едва охрану не приставил, я уж думала, не увидимся с тобой сегодня.

– С чего бы? Подозревать стал что-то?

– Да нет, из-за маньяков! – сказала Галя, аккуратно ставя сапожки под вешалку.

– Каких еще маньяков?

– Ну ты даешь! Газет, что ли, не читаешь?

– Ну уж не раздел криминальной хроники, – съязвил Стасик: Галин муж работал в уголовном розыске.

– Маньяки по квартирам ходят, мужей связывают, а женщин насилуют в их присутствии, – объяснила Галя. – И мужья как один помирают от огорчения! – Она прошла в комнату и окинула ее хозяйским глазом.

– Ну, ты-то ничем не рискуешь! – Стасик следовал за ней. – Чтоб тебя изнасиловать в присутствии мужа, им его долгонько подстерегать придется – импотентами успеют стать!

– Эй, эй, полегче! Я тебе сто раз говорила, Стасик, не наезжай на моего Димку!

– А я тебе сто раз говорил: не называй меня Стасиком! Я – Стас!

– И чего ты такой злой сегодня, Стас? – хмыкнула Галя. – Чем тебя мой муж обидел? Иль ты меня ревновать вздумал?

– Вот еще!

– Тогда и не выступай... Ты уже ел?

– Галка, мне не до еды...

– Да? – игриво произнесла Галя, поведя бедрами. – Так я пошла в ванную?..

– погоди. – Стасик дотронулся до ее круглого плеча извиняющимся жестом. – Сядь, я тебя прошу. Мне нужно тебе кое-что рассказать...

Галя без возражений села и приготовилась слушать, устремив свои карие блестящие глаза на Стасика со всем возможным вниманием: такое предисловие означало, что Стасик опять куда-то вляпался...

Галя принадлежала к породе женщин, истекавших повышенным материнским инстинктом, как кормящая мать молоком из набухшей груди. Такие женщины всегда ищут объект приложения своих щедрых забот, тот роток, который готов отсосать излишки животворной субстанции. Правда, Галя еще до Стасика нашла вполне успешное применение этой благотворительной склонности: опекать своего мужа Диму, бравого усатого опера, у которого работа нервная и опасная и который нуждается в домашнем уюте, душевном тепле и горячих пирогах для восстановления в короткие мгновения отдыха потраченных душевных и физических сил.

Но Дима оставлял пустоты в Галкиной любвеобильной душе. Ее женской ласки и заботы хватало на двоих (а может, и на троих бы хватило, но Галка экспериментировать не рискнула – так далеко ее эмансипированное свободомыслие заходить не отваживалось), в отличие от ее мужа, которого на двоих – работу и жену – не хватало. Все же как ни крути, а даже сильно развитый материнский инстинкт требует вознаграждения в виде мужского внимания и прочих мужских качеств, столь необходимых женщине. И недоданное ей мужем Галя возмещала в умеренных любовных взаимоотношениях со Стасиком, одновременно дотрачивая излишки своей потребности кого-нибудь опекать.

– Это уже не в первый раз! – нервно говорил Стасик. – То у меня какие-то чужие ручки в карманах, то ключи, то зажигалки... Я, кажется, стал клептоманом!

– Ну-ка покажи. – Галя была образцовой женой собственного мужа и желала увидеть вещественные доказательства.

Стасик двумя пальцами, словно заразу, вытащил зажигалку из кармана.

– И у тебя такой никогда не было? – нахмурив лоб, уточнила Галя.

– Никогда. У меня всегда были дешевые, а с тех пор, как бросил курить, вообще все соседу отдал.

– А что за ручки? Ты сказал, еще ручки какие-то и ключи...

– Они потом куда-то делись... – На лице у Стасика изобразилось неподдельное отчаяние. – Я к тому же еще и вещи постоянно теряю! Даже не теряю, потому что они потом часто находятся, а просто у меня что-то с памятью, Галка! Два дня назад кинулся – портмоне нет. Ну я же брал его с собой, я помню! Переложил из одних брюк в другие! И вдруг – нету. Думал, украли! А на следующий день – есть... Лежит в кармане куртки... Я его туда никогда не кладу, из куртки вытащить легко! По-моему, я чем-то болен... Мне надо, наверное, к врачу, Галка. А вдруг это болезнь Альцгеймера? Слышала о такой? Это когда забываешь все: и кто ты сам, и где живешь...

– Но ты-то не забыл, где живешь? И кто ты сам? А скажи-ка на всякий случай: я кто?

– Кончай издеваться! Это совсем не смешно! Говорю тебе – со мной что-то не то, у меня провалы в памяти...

Галя слушала недоверчиво.

– А может, это от успехов у тебя крыша едет? – предположила она.

Верно, Стасик вот уж несколько месяцев как может похвастаться некоторыми достижениями. Художник-плакатист, многие годы безрадостно отдавший советской и постсоветской агитпропаганде, он наконец нашел себя: изучил компьютер и создал небольшую рекламную фирму. Стал брать заказы на изготовление рекламы всех сортов. Сначала было туго, но последнее время пошли серьезные заказы, а с ними и деньги. Есть отчего потерять голову. Стасик даже стал подумывать, не купить ли машину!

– Может, у тебя крыша поехала от денег? – внесла уточнение Галя. – Знаешь хохму? Мужик просыпается утром, лежит записка: «Я поехала. Твоя крыша».

Стасик посмотрел на Галю: может, как раз сейчас о сне на крыше и рассказать? Вот уже месяц прошел с его ночного крышеприключения, а он до сих пор не осмелился. Но Галя ведь спросит: «Да как же ты на крыше-то оказался?» И что он скажет? «Не знаю»?

Галя кареглазая, плотненькая, быстрая. Круглые щеки с ямочками, улыбка обалденно обаятельная, короткая стрижка ей идет и придает мальчишески-залихватский вид. Она веселая, смешливая, щедрая и одновременно практичная. Идеальная жена. Если не считать, конечно, того, что мужу своему она изменяет. Но Стасик – не муж, и ему Галя – идеальная любовница: темпераментная, понятливая, разумная, умеющая организовать их встречи... И, что существенно, ничего от Стасика не требует. Замуж ей не надо, подарков тоже не надо – «Ты с ума сошел? Куда я их девать буду? Мужу показывать: смотри, дорогой, какое бельишко мне любовник купил?». Секс да возможность заботиться еще и о нем, о Стасике, – вот и все, что ей требуется. Успевает пирогов напечь и для мужа, и для любовника. Да еще Стасика выслушать, его морально поддержать в сомнениях по поводу его талантов (а их у Стасика было много), развеять все его печали – клад, а не любовница.

- А то деньги знаешь, вещь такая... - Appetитные ямочки на Галиных щеках обозначили легкую усмешку. - Не у одного тебя завихрения происходят. Димка тут мне нарасказывал...

- Галь, только вот не надо мне еще историй с Петровки, ладно? Я и так с ума схожу!

- Ты бы лучше не болтался вечерами по друзьям да по питейным заведениям! А то знаю я, что у тебя за Альцгеймер: в прошлый раз так надрался, что вспомнить не мог, где и с кем!

- А куда мне прикажешь по вечерам деваться? Ты мужа обихаживаешь, а я должен один дома сидеть?

- Стасик, мне следует это считать предложением руки и сердца? - ехидно проговорила Галя. - Ты меня подбиваешь на развод?

Галя прекрасно знала, что Стасика весьма устраивают их отношения и смена статуса любовника на статус мужа ему вовсе не улыбается: Стасик из тех мужчин, которые женитьбы боятся, как чумы. Впрочем, Галя их отношения тоже весьма устраивали и менять мужа Диму на мужа Стасика у нее не было ни малейшего намерения.

Не дождавшись ответа на свою ехидную реплику, Галя продолжила, горячась:

- Конечно, это деньги тебе карман жгут! Вот ты на радостях и не замечаешь, как спиваешься! Лучше б машину купил!

- Пока не хватает.

- Так копи! Нечего по пивным шляться!

- Ревнуешь?

- Вот еще!

- Не волнуйся, я тебе не изменяю. Мне, кроме тебя...

– Да знаю я, знаю: тебе, кроме меня, никто не подойдет...

– Я хотел сказать: «Не нужен».

– Правильно, потому что никто не подойдет. Кто еще будет с тобой, с тюней, столько возиться? Это только я с моим мазохистским комплексом способна тебя выносить!

Галя была убеждена, что Стасику нужно внушать именно такой подход к их отношениям. Беззастенчиво влезая на пьедестал мудрой благотворительности, она отводила Стасику место где-то у его подножия, место недотепы, который без нее непременно пропадет, – с точки зрения Галки, именно такая диспозиция наиболее прочно закрепляла их связь. На деле же, будучи и собственницей, и ревнивицей, она просто не могла перенести даже мысли о том, что Стасик вдруг возьмет да заведет себе однажды другую женщину.

– То есть?! Ты хочешь сказать, что я тебе ничего не даю? – возмутился Стасик. – Да я в постели за двоих отдуваюсь – за себя и за твоего муженька, который вечно отсутствует, и вечно устал, и в погоне за криминалом порастерял все мужские достоинства, кроме усов!

– Эй, полегче! Нечего моего мужа задевать! Тебе знать не дано, что он растерял, а что нет!

– Что ж ты тогда любовника себе завела?

– Да это я так, скорее сыночка себе завела, чем любовника... Нерастроченный материнский инстинкт, – гнула свою пропагандистскую линию Галя.

– Ну знаешь!.. Я, если так... Если на то пошло, то я не нуждаюсь...

– Ладно, не кипятись, – примирительно сказала Галя. Она ненавидела ссоры.

– Нет, я хочу, чтобы ты знала: я не нуждаюсь в мамочке...

– Люблю, когда ты злой. Хоть на мужика становишься похож.

– То есть?! А так что, не похож?

– А так похож на дитюсю. Что внешне, что по характеру... Ладно, ладно. – Галя решила, что перебарщивает, и одарила Стасика ласковой усмешкой, – в постели, слава богу, ты похож на мужика. Иди лучше.

– Куда?

– В койку, боже мой – «куда»...

Стасик проследовал в указанном направлении и оказался, как всегда в таких случаях, в ударе. Может, Галка, подлюка, нарочно его дразнит перед тем, как заняться любовью?

«Дитюся». Галка знала, как он бесился, когда ему напоминали о некоторой детскости в его лице. Стасик в детстве был рыж и кудряв, как маленький Ленин. Голубые глазки и пухлые щечки. После двадцати пяти волосы потемнели, пухлость щек почти исчезла, глаза сделались обычными серыми. К тридцати Стасик стал законченным шатеном, от бывшей рыжины остались только белая, чувствительная к солнцу кожа да веснушки на спине и руках. Но это его не портило. Он был выше среднего роста, строен, спортивен (нещадно боролся с лишней складкой жира, которая так и норовила появиться на белом теле, немедленно вызывая в памяти образ пухлого рыжего младенца). Он был весьма хорош в профиль (римский!) и вполне неплох анфас, а маленькая шелковистая бородка скрадывала остаточную пухлость на скулах и придавала лицу мужественность с оттенком некоторой богемности. Женщины на него охотно поглядывали, и верность Гале Стасик ставил себе в заслугу. Если бы он захотел, он мог бы...

Но негодница, как всегда, права: он не хотел. Галка его устраивала, устраивала до такой степени, что он даже не думал ни о семье, ни о постоянной женщине, которая принадлежала бы только ему, а не дополняла бы им, как Галя, свои отношения с мужем. Стасик не был ревнив и в сложившейся ситуации усматривал исключительно одни плюсы. С Галей было хорошо. С ней было легко и радостно. И необременительно.

Стасик любил шутить: «Я еще не Сальвадор Дали, но Гала у меня уже есть...»

Вера в свете зимнего дня

Год заканчивался, и гороскопы, как всегда, наврали. Наобещали большую любовь и верное замужество и – наврали. Точнее, любовь у Веры была – вот уже третий год как была. А замужества не было и не предвиделось. Не считать же замужеством тот глупый брак с однокурсником, который скоропостижно закончился тихим разводом!

...Вера рано вышла замуж за весельчака и балагура со своего курса, приняв его добродушие – за доброту, а привычку шутить – за радостное мироощущение, которого ей так самой не доставало, и охотно покинула родительский дом, где царили отношения прохладного непонимания. Но веселая никчемность мужа-однокурсника быстро разочаровала Веру, и они расстались.

Потянулись долгие годы одиночества. Жизнь казалась ей нескончаемым зимним днем – таким тихим, безветренным, когда крупными хлопьями валит снег, и жемчужно-серый свет, ровно и мягко заливающий двор и комнату, кажется единственно возможным освещением, будто никогда не было и не будет солнца, будто никогда не было и не будет ночи, а будет только это тихое жемчужно-серое сияние...

Этот свет словно исходил от самой Веры: мягкий, спокойный, без теней и контрастов – чарующий и непонятный, влекущий безбрежностью светлых и ровных заснеженных просторов. Казалось, этакая спящая красавица – разбудить бы. И находилось немало охотников, желавших оживить поцелуем, растопить пушистые сугробы, глянуть: что под ними?..

Тем не менее Вера так и жила одна: как любой другой человек, она нуждалась в ответном человеческом тепле, в любви и нежности, в ласке душевной и физической, но, как немногие, Вера не желала размениваться и соглашаться на компромисс, будучи из той породы, которой «либо все, либо ничего» – установка вполне самоубийственная...

Но Вера знала: прими она ухаживания довольно-таки многочисленных поклонников, позволь им приблизиться, войти в дом и в душу, она бы наутро беззлively рассматривала следы, оставленные «компромиссным» вариантом в ее

доме, душе и теле, и с отвращением оттирала бы и те и другие...

Беда же заключалась в том, что Вера была умной женщиной. «Умный» – понятие одновременно объемное и расплывчатое, а язык человеческий убог и не способен дать точное определение разным типам ума. Можно быть превосходно образованным эрудитом – и дураком. Можно быть талантливым болтуном и писать крутые статьи и книжки, где ограниченность прячется за витиеватым нагромождением слов. Можно быть хитрым и расчетливым ловкачом, но при этом тупицей...

Вера глубоко чувствовала и понимала мир, она знала о людях, о социуме и о законах, которым подчиняется их существование, так много, что ей даже было неинтересно об этом рассуждать. Она хорошо понимала смысл фразы: «Можно созерцать камень и постичь весь мир», и предпочитала созерцать и постигать мир в одиночку.

Но что такое «умная женщина» для мужчины – о, об этом Вера могла бы написать целую книгу! Когда-то, еще в школе, ее дружок Сашка сказал однажды: «Эх, Верка, не была б ты такая умная, я бы в тебя влюбился!»

Бесхитростный Сашка честно сформулировал то, что потом преследовало ее всю жизнь.

Мужчины воспринимали ее ум как вызов на дуэль и немедленно бросались к барьеру. Им нравились ее дерзкие замечания, ее нестандартные суждения, ее несомненное самоуважение – это восхищало, влекло, завораживало... Но, странным образом, им отчего-то хотелось все это поломать, как игрушку в детстве. Посмотреть, что там внутри, что там на самом деле, сбить ее «умность», словно спесь, маску, как если бы Вера только прикидывалась, играла, и стоит только немного поднажать, как обнаружится, что она – как все. Как все бабы. Которые, по определению, глупее мужиков. И потому – в бою все средства хороши, верно? – мужчины норовили подмять Веру под себя – пусть не умом, а хотя бы силой характера, властью, грубостью. Иными словами, пытались унижить, подавить, поставить на место, будто выскочку и самозванку...

Вера же соперничества не любила и воспринимала это как проявление неосознанного и неотрегулированного комплекса неполноценности. И потому, довольно быстро изучив эту мужскую породу в нескольких попытках сближения,

она стала ее избегать. А другой породы отчего-то не попадалось... Вот так и вышло – долгие годы одиночества.

Счастье пришло в ее жизнь поздно, но пришло вместе с Анатолием. То самое, от которого хочется петь и летать. То солнечное счастье, которое и должно было растопить прохладные сугробы.

Анатолий был щедр. Нет, не о деньгах речь, вовсе не об этом, – щедр душою. В нем не было ущербности, он нисколько не чувствовал себя задетым женским умом: напротив, высоко ценил его. Но главное, он давал ей, не торгуясь, именно то, в чем она так нуждалась: просто – любовь, просто – уважение, просто – заботу. Просто – счастье...

Однако очень быстро Вера поняла, что их отношения ограничены во времени, пространстве и перспективе: Анатолий был женат.

И вот уже третий Новый год Вера встречала в одиночестве – не может же на самом деле Анатолий бросить в праздник свою жену и их гостей? И думала Вера в канун Нового года о том, что пора разрывать тупиковые отношения с Анатолием. Нет, она его любила, по-прежнему любила, и за четыре года Толя стал не просто близким, он стал родным – это близость особая, дорогая и редкая... Да только любовь исподтишка, любовь украдкой и с оглядкой, любовь без всяких перспектив быть вместе – это уже не любовь. А сплошная мука.

Все это время она надеялась, все это время он обещал. Не врал, Вера это понимала, он сам верил, что наступит день, когда отважится сказать: «Я ухожу от тебя, Ирина». Но этот день никак не наступал и, скорее всего, не наступит никогда.

Супруга Анатолия, Ирина Львовна, была очень солидной дамой. И стиль свой – быть солидной – выдерживала с блеском. Ирина Львовна держалась степенно, важно, высокомерно; к молодым женщинам обращалась исключительно «милочка», в крайнем случае уменьшительно: Танечка, Манечка... Она вливалась в помещение с таким видом, будто была атомным ледоколом «Ленин», и всем следовало посторониться – в их же интересах.

Все и сторонились, расступались, как антарктические льды, пропуская ледокол по пути его следования. Путь следования всегда был один: «к главному». Куда

бы ни попадала Ирина Львовна, она безошибочно угадывала «главного» – прочие людишки просто не вписывались в зону ее восприятия. Если ей что-то бывало нужно – а ей, собственно, всегда что-то бывало нужно, – то просьбу Ирины Львовны спускал «главный» своим подчиненным уже в виде приказа, и тогда Ирина Львовна со снисходительной и приторной улыбкой пускалась в объяснения и уточнения, что и как нужно для нее сделать.

Самое странное, что манера эта действовала на людей безотказно, и они, не задаваясь вопросом, с какой стати Ирина распоряжается да по какому праву, торопливо бросались ей услужить. Она распоряжалась с такой естественностью, что с момента ее возникновения на пороге всем начинало казаться, что так надо и так давно было с кем-то условлено, и вот теперь пора выполнять старый договор...

Надо сказать, что уже в школе толстенькая Ира отличалась важностью и степенностью, что создавало обманчивое впечатление надежности. Но окончательные очертания ее стиль принял в пору ее работы администратором в одном модном московском театре: никогда не иссякавшая толпа униженных просителей пропуска или билетика бесповоротно укрепила ее в сознании собственного величия и превосходства. Однако кажущееся всемогущество администратора было на деле весьма ограниченным: да, перед ним немало народу приседало, но и немало народу им распоряжалось и помыкало, насмешливо поглядывая сверху вниз на то, как маленький администратор крутится, устраивая свои мелкие делишки. Соответственно, и солидность Ирины Львовны была ограниченной, что ощущалось ею весьма болезненно.

Теперь же, когда Анатолий открыл свое дело и быстро пошел в гору, Ирина быстренько подсуетилась и тоже организовала фирму, которая должна была заниматься прокатом спектаклей и эстрадно-цирковых программ. Наконец-то ей представилась возможность, давно и заманчиво улыбаясь в самых задушевных мечтах: безраздельно руководить.

Бедный театральный люд, брошенный партией и правительством на самофинансирование, охотно кинулся в ее щедро разрекламированные на мужнины деньги объятия, ища прокорма и поддержки своим художественным идеям. Помогли и старые контакты Ирины Львовны, знание театрального мира – и фирма ни шатко ни валко начала функционировать. Руководителем Ирина была из рук вон плохим, с людьми контактировать не умела, ее презрение к неимущим и к «неглавным» отталкивало многих творческих людей и, что

существенно, мешало ей увидеть в каком-нибудь зарождающемся подвальном театрике будущих гениев и связанную с ними будущую прибыль; но Анатолий держал руку на пульсе и вовремя удерживал супругу от ошибок или исправлял уже допущенные. Несколько успешных операций по трансформации чужих талантов в ее личный капитал создали Ирине Львовне репутацию. Правда, репутацию довольно своеобразную – ее не любили, но верили в то, что она может вытянуть какой-то коллектив, выгодно продав его. К тому же театральное племя – народ по большей части зависимый, в силу чего покладистый... В общем, дела пошли.

Ирина прекрасно отдавала себе отчет в том, что без Анатолия ее фирма развалится, но вполне удачно скрывала это от всех, а главное, от него самого – чтобы не вздумал задаваться, чтобы не осознал ее реальную зависимость от мужа. Все Ириной было устроено давно и прочно, заведено раз и навсегда: Анатолий, как и все остальные, безмолвно подчинялся ее манере всеми распоряжаться. Это на посторонних он производил впечатление независимого, властного и строгого руководителя, умного и удачливого бизнесмена, крепкого и смелого мужика и прочая, прочая... А Ирине он был послушным и исполнительным мужем. Под каблуком он у нее был, вот так-то.

Разумеется, Ирина Львовна своим супругом – таким во всех отношениях удачным супругом – дорожила и потому, несмотря на занятость, бдительно охраняла его от любых поползновений разных секретарш и стажерок.

А вот Веру проворонила...

Домовой

В темной прихожей Галю встретила тишина. Подозрительная, тягостная тишина, не наполненная звуками торопливых шагов Стасика, его приветственным голосом, его руками и губами, дружно встречавшими ее у порога. Она забеспокоилась, аккуратно прикрывая за собой дверь, – пока еще смутно забеспокоилась, пока еще неопределенно...

Но определилось все очень быстро: густой, тяжелый воздух квартиры был насыщен алкогольными парами.

Не сняв шубки, Галя ринулась в комнату.

- Господи, - всплеснула она руками. - Да ты никак пьян? - Она потормошила Стасика, валявшегося на диване в ботинках.

- Н-не кантовать! - Губы его расползались, как улитки. - Я не пьян! У меня голова болит! - с трудом выговорил Стасик.

- Ну да, ну да... - Галя распрямилась и отодвинулась от Стасика на шаг, пристально разглядывая его. - Конечно, ты не пьян, ты просто напился как скотина!

Галя смотрела на Стасика в раздумье. Последнее время ее стала иногда посещать мысль, что пора с этими отношениями завязывать. Конечно, Стасика - лапочка, нежный, ласковый любовник, Гале с ним хорошо... Да и пропадет этот «тюня» без нее... Хотя он и талантлив, да голова у него дурная, мужик он ленивый и слабовольный и, строго говоря, именно Гале обязан успехами: это она ему методично проедала плешь, чтобы за ум взялся, а не тратил время на нытье да жалобы в пространство на несовершенство мира...

Послушный Галиной воле, Стасик наконец напрягся, организовался, изучил компьютер, создал фирму... Галя бдила, Галя направляла его твердой рукой, Галя не позволяла ему сорваться в лень да хныканье, и результаты не замедлили себя проявить: Стасик расцвел вместе со своей фирмой, у него даже изменилось что-то во внешности, плечи развернулись, а на них и голова приосанилась в горделивой посадке...

И вдруг - нате вам, принялся пить. Пока еще не очень, пока еще редко, но зато как! В дымину, в дупель, вусмерть! Не помнит, ни где, ни когда, ни с кем! Да еще и врет, что ничего, кроме своего обычного пива, не употреблял. Только ведь от пива не приходят в такое скотское состояние! Что ж это такое, спрашивается? И зачем, спрашивается, ей такой любовник? Алкоголик - человек не пригодный ни к любви, ни к работе...

- Я, Галка, чем-то отравился, - лепетал Стасик.

- Ага. Алкоголем. Так и называется: алкогольное отравление!

- Они мне какой-то денатурат подлили...

- Они - это кто? И подлили - куда?

Галя желала услышать объяснения, протокол с места происшествия. А заодно убедиться, что за словом «они» не скрываются особи женского пола.

- У-у-у, как голова раскалывается, - простонал Стасик. - Прямо сейчас лопнет. Дай воды...

- Кто - они? - сурово переспросила Галя.

- Галка, зверюга, - жалобно хныкнул Стасик, - принеси воды, будь человеком...

Галя сходила на кухню за водой, нашла в ящике с лекарствами аспирин и, подав стакан и таблетку Стасику, холодно наблюдала, как он пьет. Если так и дальше пойдет, то придется пополнить его домашнюю аптечку хитроумным лекарством «Алка-Зельтцер» - Галя была фармацевтом и заведовала, помимо Стасиковой аптечки, большой аптекой в центре Москвы.

- Так кто это - они, и подлили они - куда? - повторила она, едва Стасик вернул ей стакан.

- Я в пивной был... Там мужики подсели, водку в пиво доливали, ну и мне предложили...

- А ты, как всегда, не смог отказаться!

- Ну, неудобно, ты не понимаешь - у мужчин так не принято...

- Зато потом подышать от отравления принято! Такое мужское братство: вместе сдохнуть! - злилась Галя.

- Ну, я не знаю, как им, у них, может, организмы привычные...

- Да уж, они, наверное, сильно веселились, глядя, как тебя развозит!

- Не знаю... Я почти сразу вырубился...

- А как же ты до дома добрался? Ты когда пришел-то?

- Утром... Мне так плохо было, тошнило... Я лег и снова отключился... Вот только сейчас проснулся... Голова как болит, знала б ты! В жизни так не болела! Разламывается прямо!

- погоди, ты что же это - всю ночь пил? Что значит «утром»? А где ты ночь провел?

- Не помню... Вырубился, говорю тебе... Проснулся под утро на лавочке на Пушкинской площади. Милиционер за плечо тряс, разбудил, документы попросил... Ну я и поехал домой: метро уже открылось...

- Да как же ты на Тверской оказался? - недоверчиво спросила Галя. Врет? Был с женщиной? Или вправду?.. - Твоя пивнушка ведь где-то здесь недалеко!

- Не знаю, говорю тебе! Наверное, спьяну на метро сел, потом вышел и на лавочке уснул...

- Господи, зимой, в январе, на лавочке! Не замерз?

- Нет вроде... - виновато потупился Стасик.

- Ну да, изнутри был подогретый... Ничего не скажешь, хорош... - Галя была крайне раздражена. - Напился в зюю! На работе, стало быть, сегодня не был? А фирма, Стасик, требует ежедневного присутствия! Как цветочек ежедневного полива. Иначе она засыхает! Если ты на работу не будешь являться, твои сотрудники тоже разбегутся! Неужто ты не понимаешь этого? Ну какого, спрашивается, черта ты поперся в пивнушку?

- Мне не по себе было... Тебя со мной по вечерам нет, а меня угнетает пустая квартира... Мне хочется к людям! Дай еще воды, а?

- «Не по себе!»! – вещала Галя, возвращаясь со стаканом. – Ты прям как слабонервная девица! Квартира его, видите ли, угнетает пустая... – Галя брезгливо посмотрела на Стасика: совсем распустился, ничего не скажешь! Это даже не тюня, это какой-то недотюня получается... – Не по себе ему! Ну, женись тогда! Или собаку заведи! – с издевкой посоветовала она.

- Ты зря на меня нападаешь!.. – нашел в себе силы обидеться Стасик. – Вчера такое было!.. Я хотел тебе позвонить, но ты же мне по вечерам не велела... Вот я и пошел в пивную!

- И что же вчера было? – недоверчиво переспросила Галя: она не допускала, что у Стасика могут оказаться веские оправдания.

- Я, Галя, сошел с ума. Окончательно и бесповоротно. И вчера в этом убедился.

- То есть?

- Ты не поверишь... Прихожу я с работы домой... А тут... Ты только не смейся... Тут мебель не так стоит!

- Что значит «не так стоит»?

- То и значит! – огрызнулся Стасик. – Телевизор с тумбочкой – на месте стола, а стол – на месте телевизора! И стулья были на столе!

- Но ведь все на местах! – возразила Галя.

- Так я же сразу и переставил обратно!

- Ты уверен?..

- В чем? В том, что она не так стояла, или в том, что я ее переставил?!

- Погоди-погоди... – Галя направилась к телевизору, осмотрела тумбочку, даже пол зачем-то потрогала. – Стулья ставят на стол, когда уборку делают! Ты, может, в кои веки навести порядок решил?

Надобно заметить, что Галя, по своему обычаю, сильно преувеличивала: Стасик был мужчиной опрятным, грязи у него никогда не водилось, так разве, легкий бардак.

- Смотри сюда, пол под тумбочкой чистый... Ты, когда ее отодвинул и поставил на это место стол, увидел, что там грязно... И решил помыть, правда? Ну подумай, Стас! Ты, может, выпил немножко, - Галя, будучи сама в полной растерянности, на сей раз выбрала выражение помягче, - и тебе вдруг захотелось мебель переставить... Так бывает, знаешь: иногда хочется все поменять местами в квартире... И потом, когда начал переставлять, увидел, что пол грязный, и решил его помыть. И стулья на стол поставил... А? - Галя с надеждой вглядывалась в глаза Стасика. - Смотри, пол-то чистый!

- Галка, это я потом пошел в пивную, а домой пришел трезвый, как стеклышко!

- Но кто же мог это сделать?!

- То-то и оно, Галка, что никто.

- Нечистая сила завелась, да? - усмехнулась недоверчиво Галя.

- Может, и нечистая сила... - отмахнулся Стасик.

- Хм... А ничего не пропало?

- Нет. И замки в целости.

- Ты хорошо проверил? Все вещи на местах? - Стасик кивнул. - И деньги? - Еще один кивок. - Все равно надо было милицию вызвать! Они могли бы сделать экспертизу замка!

- Шутишь? И что бы я сказал? Вот, понимаете ли, кто-то залез в мою квартиру, только чтобы мебель переставить? Да еще у меня пол помыть? Милицию! Скорее психовозку...

- Погоди... Что же получается? Что ты сам все передвинул, а потом забыл?

– Но кто-то же должен был это сделать! Или вправду у меня нечистая сила завелась?.. Скажи, ты веришь во всех этих, как их, домовых, барабашек?

– Стасик, ты, наверное, все-таки нетрезвый был... А?

– Нет!

Галя потупила глаза. Она решительно не знала, ни что сказать, ни что думать об этом.

– Вот видишь, – горько продолжил Стасик, – даже ты молчишь... Помоги мне, я сяду... Осторожно, у меня голова раскалывается....

– Сейчас аспирин подействует, полегчает, – смягчилась его наставительница на путь истинный, помогая «тюне» принять вертикальное положение.

Стасик в ответ только вздохнул, аккуратно пристраивая голову к спинке дивана...

Неожиданный звонок в дверь заставил вздрогнуть обоих.

– Кто это? – спросила Галя почему-то шепотом.

– Домовой, – усмехнулся Стасик. – Пришел пол домыть... Пойду открою. Ты не выходи на всякий случай.

Стасик, сгорбившись под тяжестью головной боли и загадочной перестановки мебели, направился, шаркая тапочками, в коридор.

За дверью оказалась девушка. Невысокая, румяные щечки, коричневая парка, красная шапочка с помпоном.

– «Ваш домовой»! – радостно отсалютовала она, заведя Стасика на пороге.

Если он не рухнул, так это только благодаря Гале, которая, услышав сии странные речи, вылетела в прихожую и подперла его со спины.

Едва Галина набрала воздуха в легкие, чтобы взять инициативу на себя, как Стасик вдруг выпалил:

– Это вы мебель в квартире переставили?

Девчушка посмотрела на них с испугом.

– В какой квартире? – пролепетала она.

– В моей!

– Когда?

– Сегодня!

– Но я же только что пришла!..

Галя вмешалась:

– Вот-вот, я хотела как раз выяснить: зачем вы пришли? И почему вы домовым назвались?

– Как же, – оживилась девушка, глядя на странную пару во все глаза, – вчера вот этот мужчина... – Она заглянула в бумажку. – ...Стас Кудрявцев, правильно? – у нас в фирме был и оформил заказ на уборку квартиры. Наша фирма называется «Ваш домовой». Мы обычно заказы по телефону принимаем, но вы, – кивнула она на Стасика, – сказали, что мимо шли и решили заглянуть. И, ознакомившись с перечнем наших услуг, сделали заказ на уборку квартиры. Мне наша диспетчер, Ольга Михайловна, рассказала. И еще сказала, что у вас бородака и что вы симпатичный... И еще вы ручку у нас свою забыли, и Ольга Михайловна мне велела вам передать, потому что ручка эта вам дорога как память об отце. Вы так сказали, когда расписывались...

И с этими словами девушка протянула ему ручку.

- Твоя? – прищурилась Галя.

Стасик кивнул в ответ.

- Вы что-то путаете, – горячо заговорил он, – я никаких заказов не оформлял!

Девчушка усмехнулась:

- Как же, ведь это ваш адрес указан, верно?

И протянула Стасику какую-то бумажку под нос. Галя заглянула через плечо. Адрес был правильным.

Стасик только безнадежно махнул рукой, повернулся и исчез в глубине квартиры, оставив Галю выпутываться самой.

Пробормотав, что это недоразумение, и сунув девушке деньги за расходы на транспорт, Галя закрыла дверь и последовала за Стасиком.

Стасик лежал на диване бледный, закрыв глаза.

- Ручка действительно твоя?

- Моя, – не раскрывая глаз, отозвался Стасик. – Она у меня всегда в нагрудном кармане лежала. Я думал, что ее потерял... Но она вовсе не память об отце, не знаю, как я мог это ляпнуть, я ее сам в прошлом году купил!..

- Так ты там был?!

- Где?

- В фирме «Ваш домовой»!

- Да нет же!

- Тогда почему ты говоришь, что ты это «ляпнул»? Если ты там не был, то и не мог «ляпнуть»!

- Слушай, у меня башка совсем не варит... Может, мне еще аспирина принять?

- Погоди, так ты был или не был в «Домовом»?

- Галка, ты – садистка! Ты – инквизиция! Ты понимаешь, что я сейчас сдохну – так голова раскалывается?

Галя сходила снова на кухню и, едва бульк воды в горле у Стасика засвидетельствовал о прохождении таблетки по назначению, упрямо повторила:

- Ты был в «Домовом»?

- Не бы-ыл!!! – застонал Стасик, осторожно опуская голову на валик дивана. – Это у меня домовые были!!! Они мне мебель передвинули!!!

- Тогда откуда у них твоя ручка? – твердо вела следствие Галя.

- Галя, Галочка, родная, оставь меня в покое, а?

- Ручка действительно твоя? А то, может, просто такая же?

- Моя, моя... Я не знаю, как она у них оказалась, я в «Домовом» никогда не был и никогда о нем не слышал, и почему ко мне пришли домовые, я не знаю!!! И зачем мне мебель передвинули – тоже!!! Или ты скажешь, что я грузчиков вызвал, а потом забыл?!

- Знаешь что, Стасик, – задумчиво проговорила Галя, – не нравится мне все это. Сходи-ка ты вправду к врачу... Да поскорее!

Роман с Романом

Вера Лучникова была психологом. На психфаке отучилась еще в те годы, когда там преподавали кондовую психологию по-советски. Но позже, уже под ветрами перестройки, она написала книгу для начинающих бизнесменов о поведенческой специфике иностранных партнеров, связанной с особенностями их национального менталитета. Книга была написана языком простым и понятным любому (даже «начинающему бизнесмену»), примеры и советы были конкретны, легкий юмор придавал книге шарм, и она быстро сделалась популярной в кругах предпринимателей. И Анатолий, прочитав книгу, разыскал Веру и предложил ей работу у себя: понравился ее легкий юмор и глубокое знание предмета. Она согласилась: зарплата хорошая, работа интересная...

Анатолий мыслил широко: иностранный партнер имеет, как правило, определенный выбор на российском рынке, и, чтобы получить выгодный контракт, нужно выиграть его у конкурентов. В этом, по замыслу, и должна была ему помочь Вера Лучникова.

Конечно, он немного опасался: взял человека со стороны, совершенно незнакомого, без рекомендаций, если не считать книги. Но первая же встреча с Верой его успокоила, более того – порадовала, более того – обнадружила...

В чем именно обнадружила, он не смог бы сказать и еще меньше готов был признать, что ему сразу же захотелось завести с ней отношения, а уж какие именно – это и вовсе не подлежало осмыслению... Просто в Vere было что-то притягательное, что-то такое, что заставляло замедлять шаги, проходя мимо, что тянуло затеять разговор, пусть и пустячный, и ловить звуки голоса, и завороченно смотреть в лучистые глаза...

Вера была довольно высокой, тонкой – именно тонкой, а не худой, – с мягким, нежным покато плеч и грациозной шеей. Изящный овал миловидного лица, гладкие русые волосы, темно-серые глаза в опушке каштановых ресниц («глаза Роми Шнайдер», – нашел сравнение Анатолий) лучились покоем и доброжелательностью. И еще, пожалуй, едва заметной иронией, необидной усмешкой, словно она понимала все то, что недоговаривал собеседник, но сразу же и прощала его маленькие хитрости и слабости...

В ней чудилось что-то старинное – эта мягкая женственность, несуетное достоинство, благородство осанки и жестов... Было легко ее представить в прошлом веке, например, на балу, с открытыми гладкими плечами, с жемчугами, охватывающими стройную шею. И, конечно, окруженную самыми блестящими

поклонниками, потому что Вера была не просто красивой женщиной – Вера оказалась великолепным собеседником, а в прошлом веке это, кажется, в женщинах ценили...

Она была очень моложава; Анатолий прикинул – максимум тридцать три. Но когда стали оформлять ее на работу, выяснилось: тридцать восемь. И в этой моложавости было что-то трогательное. На нежном лице Веры первые, пока едва заметные морщинки казались печатью легкой усталости и отчего-то вызывали желание приласкать, приголубить, притянуть к себе и сказать: «Пойди приляг, отдохни, а я тебе чайку сделаю...»

Анатолий в свои пятьдесят четыре так или иначе смотрел на Веру как на девочку – будь ей тридцать или тридцать восемь. Но то, что ей именно тридцать восемь, почему-то умиляло его.

Деловые же качества Веры просто превзошли его ожидания. Вера – с ее сдержанным достоинством, с ее быстрым и цепким умом, с ее тремя европейскими языками – обладала поразительным даром располагать к себе иностранцев. Она вызывала немедленное и прочное доверие, ощущение надежности и корректности в делах, и вскоре фирма Анатолия приобрела устойчивую популярность в кругах иностранных бизнесменов, а вместе с популярностью – выгодные контракты.

И теперь Анатолий Сергеевич не приступал ни к одной сделке, не пропустив потенциального партнера – будь то иностранец или соотечественник – через предварительную беседу с Верой Игоревной и не получив ее заключения.

Ирина Львовна время от времени врывалась в территориальные воды мужниной фирмы, чтобы осмотреться и почуять: чем тут пахнет? Каковы ноги у новой секретарши? Кто глазки строит ее драгоценному во всех смыслах супругу?

Верочка – Ирина Львовна упорно называла «психологиню» Верочкой, хотя каждый раз делала над собой усилие, потому что обратиться отчего-то хотелось по имени-отчеству, – Верочка глазки не строила, Верочка не была секретаршей и ноги напоказ не выставляла... Тем не менее Ирина Львовна почувствовала в ней угрозу моментально. Вера не была смазливой – она была красивой, хоть и неброской, неяркой красотой; она не была сексуальной – она была женственной; она не была кокетливой – она была обаятельной. Но главное, Вера совершенно

не реагировала на властную Ирину манеру привычно подчинять всех. Вера была вежлива с ней и даже почтительна... Однако ж Ирина чувствовала, что ее начальственные ухватки, беспроборно порождающие волну услужливости в людях, разбивались о непостижимую скалу по имени Вера в мелкие, не стоящие внимания брызги...

И еще она почувствовала – Анатолий всерьез заинтересовался бабенкой. Она бы даже сказала: очарован. И что в ней нашел? Ладно была бы с ногами от макушки, молодая нахальная нимфетка – Ирина бы не потерпела, но поняла. А тут – под сорок. Конечно, она моложе Ирины Львовны на шестнадцать лет, да и выглядит очень молодо, но такая ведь никакая – ни рыба, ни мясо! Бледная, почти не красится, тихая, вежливая... Сейчас в моде яркие, наглые, высокомерные девицы, знающие себе цену... Ирина таких ненавидела от всей души, но понимала и принимала, поскольку была той же породы. А эту – не понимала. Что-то в ней было запредельное. Что-то не «из нашего профсоюза». Что-то безнадежно не от мира сего: простого, ясного мира, где правят и сталкиваются интересы, в основном денежные, где каждый борется за себя... В Вере ощущалась какая-то странная незаинтересованность материальной стороной жизни, и Ирина ей нисколько не верила – такого просто не бывает. Ясно, что подлая бабенка исполняет спектакль некой старомодной возвышенности. Сейчас на такие спектакли спроса нет, это верно... Но Анатолию, пожалуй, могло и понравиться: он притомился в битвах за место под солнцем, и ему, старому дураку, небось примерещилось, что с Верой он мог бы отдохнуть душой...

Однако, несмотря на худшие ожидания Ирины Львовны, Анатолий не давал повода для ревности. Он исправно звонил супруге с работы, ночевал дома, в его карманах не водились любовные записки, и от него не пахло чужими духами.

Ирина недоверчиво следила за мужем первые месяцы: поводов для подозрений не находилось. И она следить перестала. В конце концов, у нее был свой бизнес, свои неотложные дела, свои увлекательные встречи...

Среди последних особенно быстро набирали частоту деловые свидания с менеджером одного недавно родившегося театрального объединения, молодым предприимчивым человеком по имени Роман.

Имя располагало. Молодой человек тоже. Жгучий брюнет с соблазнительным ртом, он смотрел в глаза внимательно, отвечал ласково и немногословно, льстил

умело и с достоинством. Крепость пала на исходе четырех месяцев: Ирина Львовна сделала его любовницей. Конечно, разница в возрасте; конечно, телом она далеко не манекенщица; конечно, морщины на лице, когда тебе за пятьдесят, уже не спрячешь... Но есть косметический кабинет, есть тренажерный зал, есть желание и, самое главное, есть то, что никакими ногами и талиями не заменишь: положение, связи, деньги.

Теперь из ее дневного распорядка были изъяты два часа, а из бюджета – кругленькая сумма, прочно зарезервированная для престижного оздоровительного комплекса и дорогой косметички. Ирина Львовна подумывала отдалиться со временем в руки пластических хирургов, но для начала хотела сделать все, что было в ее собственных силах.

Оказалось, что в ее силах не так уж мало: на теле намеком обозначилась талия; лицо, правда, от похудания пострадало: опустевшая кожа стала обвисать, и у косметички немели руки от длительных массажей, похлопываний и поглаживаний. Но маски, кремы, примочки и прочие хитроумности все же потихоньку делали свое дело, и спустя некоторое время Анатолий с удивлением обнаружил, что супруга его вдруг засветилась молодостью, хоть и не первой.

Двадцатидевятилетний Роман быстро взял снисходительно-покровительственный тон со своей немолодой возлюбленной; та, ощутив себя вдруг маленькой девочкой, опекаемой молодым заботливым любовником, стала быстро сдавать одну позицию за другой. Вот уже Роман допущен к делам ее фирмы, вот уже Роман стал афишировать их отношения (и как же это было приятно, страшно, неприлично; но душа пела, когда они появлялись рука об руку, и все видели, сколь нежен и внимателен к ней молодой красавчик!), вот уже Роман занял прочное место хозяина в ее душе и в ее делах...

Разумеется, Ирина Львовна приписывала столь восхитительно-лестное отношение к ней молодого человека исключительно своим многочисленным достоинствам. В число оных было щедро включено и ее «умение держать себя с людьми» – то есть ее надутая важность и высокомерная властность, – и ее «умение делать дела» – то есть пользоваться авторитетом и щедрой поддержкой мужа, – и ее денежный достаток, и ум, и обаяние, и «породистость» (не могла же она, как ни обольщалась, признать за собой красоту, которой за ней не водилось даже в молодости!) – чего только не напридумывает себе женщина, желая оправдать в своих глазах неравный союз...

Анатолий стал казаться старым. Анатолий стал казаться выдохшимся. У Анатолия начало пошаливать сердце – бизнес в России быстро изнашивает организм. Анатолий уже не мог соответствовать ее сексуальным запросам. То ли дело молодой любовник!..

Как известно, людям свойственно принимать желаемое за действительное, и Ирине Львовне, ослабившей надзор за мужем (вернее, полностью утратившей к нему интерес), было невдомек, что Анатолий вовсе не производил впечатления ни старого, ни выдохшегося или сексуально несоответствующего на Веру...

Вере он превосходно соответствовал во всем. Веру он понимал с полуслова, с четверти мысли, с молчания – будь то ее желание или ее суждение. С Верой он был восхитительно нежен и предупредителен в любви – так, как никогда не был ни один из тех мужчин, которых она знавала до Анатолия. До встречи с ним Вера уж стала было подумывать, не податься ли в лесбиянки – не по природной склонности, нет, а в поисках медленной нежности и понимания в чувствах: рассказывали, что лесбиянкам это свойственно...

Анатолий дал ей именно то, что она искала, – неторопливые и упоительные ласки, абсолютное знание ее тела, на котором он, подобно музыканту, мог играть вдохновенно и бесконечно, извлекая нужную им обоим ноту... И с тех пор, как жена ослабила свой неусыпный контроль за его времяпрепровождением, Анатолий с упоением предавался этому великолепному секс-блюзу с Верой.

Он начал подумывать о разводе. От него не скрылось, что Ирина Львовна завела шашни с молодым менеджером: закусившая удила супруга не слишком заботилась о конспирации. «Ну что ж, – думал Анатолий, – мы квиты. А главное, это облегчит расставание», – убеждал он себя.

Он долго решался. Он был скорее консерватором, не любил избавляться от старых вещей, дорожил старыми друзьями... С Ириной он как-никак прожил двадцать семь лет, и перечеркнуть их...

Его это ломало.

Конечно, у нее любовник, но... Двадцать семь лет...

Детей у них не было, так что не было лишних глаз, которые могли бы посмотреть на него с укором... Но все же... Двадцать семь лет...

Вера, подслушай она этот внутренний монолог, сказала бы, что заклинанием «двадцать семь лет» Анатолий красиво обставляет свою психологическую зависимость от собственной супруги – то, что на обывательском языке называется «быть под каблуком». Но Вера никогда не заводила с ним разговоров на эту тему, и ничто не мешало Анатолию крутить во все стороны «двадцать семь лет» и считать себя сентиментальным консерватором.

Решился он вскоре после Нового года, когда вдруг почувствовал, что Вера устала не на шутку от их нелегальной и супертщательно скрываемой связи. Он испугался. Он ждал со дня на день разговора, в котором Вера скажет: «Все, Толя, я больше не могу. Расстанемся».

Терять Веру? Нет, это слишком дорогая цена за двадцатисемилетний союз со вздорной и меркантильной Ириной. Вере нужна семья, да и не девочка она, чтобы заниматься конспирацией... И она любит его, любит так, как Ирке и во сне не снилось, – Ирина не умеет любить, она умеет только пользоваться, что и делала все двадцать семь...

Короче, доводы самого убедительного свойства вдруг хлынули в его сознание, как штормовая волна, и вынесли, отступая, весь мусор оттуда.

Он приготовился к разговору. У Ирины любовник, это мощный аргумент. У него, конечно, тоже любовница, но Ирина об этом не знает – очко в его пользу. Он отдаст жене ее фирму, и ей нечего будет возразить. Ирина оценит этот жест!

Но он просчитался. Если бы он посоветовался с Верой, она бы ему объяснила: человек, который пользовался тобой (как и всеми остальными) всю жизнь, никогда и ничего не ценит и не оценит. Ирина будет только пытаться и дальше тебя использовать, до самого конца, до крайнего предела своих возможностей; она будет бороться за каждую копейку, за каждый погонный сантиметр вашего общего материального пространства... Но Анатолий с Верой не посоветовался: хотел преподнести ей радостный сюрприз.

Ирина выслушала его молча. И только под конец сухо промолвила: «Я подумаю над твоим предложением».

Она действительно задумалась, крепко задумалась. Развод – ерунда. Она могла бы выйти замуж за Романа. Ирина Львовна сладко жмурилась, представляя себе, какой фурор произведет сообщение об их свадьбе в обществе. Она и Роман... И платье она себе закажет у Юдашкина... Или у кого-нибудь из французов...

Дура, одернула она себя. О чем думаешь? Сейчас другое на повестке дня: развод. Безусловно, Ирина при разводе получила бы немало, но... Далеко, ох, далеко не все, что могла бы получить. Слишком много скрытых от государственного ока сумм и прочих ценностей водилось в этой семье и в бизнесе, а роскошная квартира в центре принадлежала официально родителям Толи. Он, конечно, повел себя вполне прилично: предложил купить ей квартиру, обещал без споров отдать все ее драгоценности, машину и «ее» фирму со всем тем, что успел в нее вложить. Но Ирина Львовна прекрасно отдавала себе отчет в том, что без постоянных финансовых вливаний и точных советов мужа фирма перестанет существовать через несколько месяцев. И сладкий Роман не спасет ее – не та весовая категория в бизнесе.

Тут Ирина – слишком поздно! – поняла, что опасная Верочка так-таки выиграла битву за ее мужа, опрометчиво отпущенного в свободное плавание. А то с чего бы он стал вдруг заводить разговор о разводе? За этим разговором стоит другая баба, вот что! И скорее всего, эта баба – Вера. Никаких доказательств у Ирины не было, теоретически этой «бабой» могла оказаться любая другая прохиндейка, но... Ирина чувствовала всем своим нутром: Вера. Подлая Верка. И ясно, что ради молодой кандидатки в жены влюбленный старый дурак Толя не станет играть в великодушие и не уступит Ирине ничего сверх уже предложенного списка. А ведь у Ирины Львовны, помимо прочего, теперь была еще и веская статья расходов: Роман...

Вот Ирина и призадумалась, горемычная. Как ни раскладывай, как ни крути, а все получалось, что при разводе она окажется в убытке. С Романом поделилась своей заботой: тот ничем не смог утешить. Имущество по закону – пополам, но Анатолий ей и без того предложил половину; а имущество неучтенное – оно и есть неучтенное, и закон здесь бессильно молчит... «Вот только, – сказал Роман, – если бы ты ненароком стала вдовой... Тогда бы ты получила все».

Ирина даже испугалась такого поворота мысли. «Уж не убить ли ты мне мужа предлагаешь?» – робко, боясь обидеть своего божественного Романа таким предположением, спросила она.

«Зачем убивать? – Роман ничуть не выглядел обиженным. – Просто не торопись с разводом. Потяни, покапризничай с квартирой... У него ведь сердце больное, ты говорила? Глядишь, и сам концы отдаст...»

Любовь за десятку

...Следовало проснуться. Сон был невыносим, он наглухо заковал его, поместил в тесное, темное пространство, жесткое и неудобное, как гроб. Тело затекло и страшно болело, тупо ныла голова. Следовало немедленно проснуться!

Сознание его в поисках выхода бродило в крошечной темноте, натываясь на холодные влажные стены, острые каменные углы и запертые двери. «Ведь где-то должен быть выход! – думал Стасик. – И я должен его найти, чтобы проснуться...»

Но снова холодная круговерть стен, углов и дверей, ведущих в никуда; и долго еще сознание металось в поисках пробуждения и света... Наконец одна толстая занозистая дверь подалась, и Стасик подумал с облегчением: «Все, я проснулся» – и даже открыл глаза...

Но он не проснулся. За спасительной дверью была по-прежнему непроглядная тьма, холод и сырость. Он мог тысячу раз открывать глаза и снова закрывать их – ничего не менялось, из сна нельзя было вырваться, он взял Стасика в плен.

До его слуха донесся стон. Потребовалось усилие, чтобы понять: его собственный стон. Потребовалось еще одно усилие, чтобы понять: он все-таки не спит... Уже не спит.

Дальнейших усилий было бесплодное множество, но все они сводились лишь к констатации: темно, холодно, жестко, и все болит. Продвинуться далее в осознании происходящего Стасик не мог, как ни старался.

Он попробовал пошевелиться. Шевелиться оказалось трудно и больно. Но движение принесло информацию: он лежит вверх ногами. На какой-то наклонной плоскости...

На лестнице.

Стасик вытянул левую руку и пошарил вокруг... Уточнение: он лежит головой на полу, а ногами на ступеньках.

Подтянув непослушные окоченевшие ноги, он принял горизонтальное положение. Повернулся на бок – болит, будто его отбили... Посмотрел вокруг: ничего не видно, тьма.

Стасик осторожно поднялся – сначала на колени, потом в рост. Сильно кружилась голова. Протянул руку в поисках опоры: дотронулся до холодной стены...

Где он, почему и как сюда попал? – эти вопросы были столь безответны, что он даже не силился их себе задавать. Он просто попытался осмотреться.

При ближайшем рассмотрении тьма оказалась не такой уж непроглядной. В противоположной стороне тускло мерцало маленькое подвальное окошко.

Подвал. Он, собственно, так сразу и подумал.

Оторвавшись от стены, Стасик осторожно шагнул. Пол был ровный и, кажется, без всяких препятствий.

Стасик приблизился к окну. Оно находилось достаточно высоко, и Стасик ничего не смог увидеть, кроме косого света отдаленного фонаря. Ночь, значит. Или вечер...

Вдруг вспомнилось: он вышел из дома. Был еще день, светло... Прошел, не останавливаясь, мимо пивнушки – твердый зарок пить пиво не чаще раза в неделю. Странно, однако, что у него привкус пива во рту... Или он все-таки выпил? Потом поехал на Митинский рынок – нужно было кое-что присмотреть для компьютера... Правильно, он еще купил там несколько компакт-дисков для своего интернетовского сайта, которым занимался вот уже второй месяц... Кстати, у него был с собой пакет со всеми покупками. И где пакет? И вообще, что у него в карманах?

Пошарив по всем карманам по очереди – куртка, пиджак, брюки, – Стасик с облегчением убедился, что все на местах. Главное, портмоне. Он прилично потратился на рынке, но все-таки рублей триста у него оставалось, а это деньги... Пакета, однако, нигде не наблюдалось, но в скудном ночном свете этого крошечного окошка разве чего рассмотришь? Стасик решил оставить поиски на потом, сейчас его больше всего занимало окно. Он надеялся увидеть из него хоть что-то, что могло бы навести на мысль, где он находится. А уж там, глядишь, и вспомнится, отчего да как...

Он огляделся в поисках чего-нибудь, что могло бы послужить ему подставкой для ног, ящик например... В углу что-то вроде бы лежало, и Стасик направился туда. Ящика не нашел, но увидел край довольно толстой трубы. Ее диаметр был явно недостаточен, но вдруг это только обрезок?.. Тогда его можно будет поставить вертикально, встать на него и посмотреть в окошко, пыхтел он, пытаясь вытащить трубу из-под какого-то хлама.

Тело его по-прежнему ломило, движения отдавали болью, и потому тихий стон, долетевший до его слуха, поначалу показался его собственным.

Второй стон был громче и отчетливее, и Стасик замер, покрываясь мурашками: это был не его стон, это был чужой – кто-то еще находился здесь, в подвале, в углу, в хламе...

– Кто здесь? – неуверенно проговорил он, обмирая от страха.

Еще один стон раздался ему в ответ. Женский.

Стасик осторожно продвинулся в угол, всматриваясь в неясные очертания предметов. Геометрия контуров выдавала лишь минимальную информацию: было непонятно, что это, но было понятно, что не тело.

Наконец, намного левее, у стены, он увидел нечто, напоминавшее человеческие очертания: мягкий холмик пальто. Он же источник звуков, что не замедлило подтвердиться новым стоном. Тут память услужливо ввернула новый фрагмент воспоминаний... Он вышел из метро «Бабушкинская» и, увидев, что автобуса нет, пошел домой пешком: на автобусе в объезд квартала было пять остановок, а напрямик своим ходом – минут пятнадцать... В одном из дворов женщина подбирала бутылки у мусорного контейнера. Стасик намеренно свернул правее,

чтобы ее обойти: его очень стесняло зрелище опустившейся нищеты. Но в этот момент женщина повернула к нему лицо и произнесла игриво: «Эй, красавчик, дай десятку, а? Жрать нечего...» Стасик растерялся. Не дать денег было неудобно: нищая, хоть и пьяная, женщина... К тому же, кажется, – насколько позволяют ему судить расстояние и темнота – довольно молодая...

Но, с другой стороны, ей не есть нечего, а пить – на бутылку просит, это ясно... А при таком раскладе и десятки жалко! Стасик даже притормозил в сомнениях. Женщина смотрела на него с усмешкой, будто читала его мысли. Стасик окончательно смутился и торопливо полез за бумажником...

Что же было дальше? Вот этого-то он и не помнит... И вот теперь он в каком-то подвале, в обществе подозрительной женщины... Той бомжихи? Бог мой, но как же... Зачем?!

Память снова расщедрилась и донесла до Стасика фразу бомжихи: «А то, хочешь, расплачусь?», сопровождаемую ее недвусмысленной пьяной усмешкой.

Но не мог же он, в самом деле, пойти с ней в этот подвал?! За ее жалкой и совершенно ненужной ему «расплатой»?! А потом... Потом, допустим, он упал на лестнице, ушиб голову и потерял сознание...

Собственно, зачем ему окно понадобилось? Чего это он, словно загипнотизированный, потащился к этому скудному прямоугольничку серого света? Ему дверь нужна, дверь! Слава богу, не только память, но и мозги наконец включились! Стасик рванул в темноту, туда, где лестница...

Но остановился. Бомжиха – не бомжиха, а все-таки человек. Может, ей помощь нужна? Он нехотя вернулся к стене, где примостилось пальто.

– Эй! – позвал он. – Вы меня слышите?

Мозги снова засвидетельствовали свое почтение: Стасика осенило, и он достал из кармана зажигалку. Выпустив язычок пламени, склонился над серой массой и вгляделся. Перед ним лежала женщина – кажется, без сознания. Пальто ее, как и находившиеся под ним шерстяная кофта, тонкая блузка, было расстегнуто, юбка задрана, а лифчик спущен под голые груди, неуместно и жалобно выглядывавшие из зимней одежды наружу в этом сыром холоде. Стасик

отпрянул. Но не могло же такого быть, чтобы он с бомжихой...

Его снова повело к лестнице, но совесть исправно прихватила за воротник. Он вернулся, запахнул голую грудь – не посмел, конечно, дотронуться до лифчика и водрузить его на место, просто свел полы пальто – и потряс женщину за плечо. Ответом ему был очередной стон, но век она не разомкнула.

Стасик немного поразмыслил. В конце концов, он сейчас уйдет отсюда и вызовет «Скорую». Вот и все. Он снова засветил зажигалку, бросил на женщину последний взгляд: лет около тридцати, накрашена, довольно миловидна... Господи, но это же не повод! И он не был пьян, нет! Он только не удержался и выпил все-таки кружку пива... И все. Вот почему у него привкус пива во рту: он выпил, выйдя из метро, по дороге домой... Но от пива же не теряют голову! Пойти в подвал с бомжихой? Ну не мог же он, в самом деле!..

Стасик изучающе рассмотрел женщину и вздохнул облегченно: рейтузы и колготки на своем месте, не похоже, чтобы их пытались снять. Слава богу. Не хватало только болезнь какую-нибудь подцепить.

Долой отсюда, долой! И «Скорую» – пусть ею занимаются. А ему здесь делать нечего.

И снова Стасик замер у подножия лестницы в нерешительности. Если он уйдет... Он так ничего и не узнает. Потому что его собственная память наотрез отказывается подсунуть ему что-нибудь приличное в качестве объяснения. И это уже не в первый раз такие провалы. А тут, по крайней мере, есть свидетель его поступков: человек, который должен знать, что и как делал Стасик в беспамятстве...

Он решительно наклонился и потряс женщину за плечо. Голова ее затряслась в такт, но никаких признаков жизни бомжиха не подала. Конечно, она была жива, он же слышал стоны, но сознание ее где-то прогуливалось и не желало возвращаться к унылой действительности. Тогда Стасик принялся брезгливо похлопывать ее по щекам, пытаясь привести в чувство.

И женщина наконец открыла глаза.

Во многом знании...

Счастливая новость почему-то ударила под дых. Ударила больно, по-настоящему, и Вера вслушивалась в телефон, согнувшись пополам.

- Повтори, пожалуйста, - сдавленно произнесла она. - Я не совсем расслышала.

Она расслышала. Просто не могла поверить.

- Я ухожу от Ирины. И я ей об этом сказал, - едва заметно усмехаясь, послушно повторил Анатолий. Он все прекрасно знал: и что расслышала, и что не верит своим ушам.

- То есть... Это правда?

- Конечно, Веронька. Такими вещами не шутят.

- И... И что Ирина?

- Какая тебе разница, малыш? Я с ней все улажу.

- Но... Как она приняла известие?

- У нее любовник. Уже несколько месяцев. Так что ей есть чем заняться после развода.

- Бог мой... - Вера начала потихоньку приходить в себя. - Любовник? У Ирины? Ты это точно знаешь?

- Молодой человек, на двадцать пять лет моложе Ирины, по имени Роман.

- И значит...

- Значит, это очень упрощает мою задачу.

- То есть Ирина согласна?

- При некоторых условиях.

- Какого рода?

- Например, покупка квартиры для нее. И ряд других, чисто материальных условий.

- И тогда она даст тебе развод?

- Ну да.

- Вот так просто, без боя? - В голосе Веры сквозило недоверие.

- Я же тебе сказал: у нее любовник. Развод ей развязывает руки.

- Я не о том... Ты извини, так, может, нехорошо говорить, но я думала, что она будет торговаться до последнего...

- Она и пыталась. Но ты же знаешь законы: если даже она и не даст согласия, нас все равно разведут. Ей куда выгоднее договориться со мной полюбовно. Мы с ней и сторговались: как только я куплю ей квартиру, она сразу даст согласие и подпишет. Это не займет и месяца.

- Анатолий...

- Что, радость моя?

- Я даже не знаю, что сказать... Я оглушена. Я... Я не могу поверить...

- Конечно, ты же у нас пессимистка. Потому и не веришь.

«Пессимистка». Так частенько называл ее Анатолий. Вера пессимисткой себя не считала, но что правда, то правда - в ее мироощущении было немало горечи.

Возможно, виной тому ее особое восприятие жизни? Сколько она себя помнила, у нее словно был дар – видеть жизнь как бы сразу в нескольких измерениях. Не только то, что происходит, но и то, что могло бы произойти. Люди обычно воспринимают поступки других как некую данность, к которой они затем, уже приняв эту данность, относятся так или иначе, одобряют или осуждают, восхищаются или отвергают...

Вера же воспринимала каждый малейший поступок не как данность, а как процесс выбора. Даже слово, предпочтенное из ряда возможных синонимов, уже было выбором: можно было сказать: «трахаться», а можно – «заниматься любовью», можно было сказать: «некрасивый», а можно – «урод», и так далее, и за этим выбором всегда стояли определенные причины, связанные с личностью человека. Что уж говорить о поступках разного масштаба: смотрит человек в глаза или отводит взгляд; тихо говорит или кричит; лжет или говорит правду; оправдывается или отмалчивается; проводит вечер у телевизора или в дискотеке – бесконечное множество разных «или». У всех этих «или» были свои причины, за каждым выбором стояли отвергнутые, неиспользованные возможности поступить иначе, и выбранный из широчайшей амплитуды этих возможностей вариант многое говорил Вере о человеке. Жизнь для нее была без загадок, как художественный фильм для знатока: каждый ракурс, каждый кадр, проглатываемый без рефлексий большинством, – знатоку говорит многое о замысле режиссера, обнажает режиссерское мироощущение, его зашифрованное в фильме послание миру...

Это многомерное видение людей и их поступков было каким-то врожденным качеством, и Вера, пойдя на психфак и перелопатив гору специальной литературы, почти ничего нового там для себя не открыла, разве что поднабрала терминов, которыми можно было кратко обозначить давно известные ей вещи: она и так знала людей, она их чувствовала, она читала их лица, видела насквозь малейшие движения души и мысли и угадывала схему дальнейшей судьбы.

И никогда не ошибалась.

А во многом знании, как известно, есть многая печаль. Человек представлялся столь жалким и несовершенным, что Вера испытывала что-то вроде скорби. Нет, она любила людей, относясь к прозрачным для нее душам примерно так, как взрослые относятся к наивным хитростям детей: и видят, и умиляются, и прощают одновременно... Но все-таки это были не дети, это были взрослые

люди, обремененные ответственностью своей взрослой жизни, и их хитрости были не детскими и не безобидными, их хитрости разрушали чужие жизни и судьбы, и Веру они не умиляли... В общем, «кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей»...

И Анатолий, любимый и родной человек, принадлежал, как это ни горько, к той слабой породе людей, у которой не имелось от Веры секретов. Она была уверена, что он никогда не решится развестись с Ириной, – он, как все, жил в плену у множества конкретных житейских соображений и привычек, он жил в путях годами сложившейся психологической зависимости от жены, зависимости, в которой он обрел определенный комфорт (что часто случается с мужчинами). И такие абстрактные вещи, как «любовь», не служили мотором для того, чтобы из этого плена вырваться, чтобы жизнь построить заново. Все и так было чудесно: «любовь» была пикантной приправой к привычному остальному... Мотором обычно служат низменные страсти, всегда более активные и действенные: был бы, например, Толя дешевкой, решил бы он попросту сменить старую жену на молодую – он пошел бы до конца. Правда, и в этом случае Вера осталась бы в стороне от трассы, прокладываемой этим действенным мотором: тогда бы Толя нашел себе совсем юную девицу, как это сейчас многие делают... Впрочем, такой Толя ей был бы не нужен.

И теперь, после этого звонка, после этой новости, Вера с трудом сдерживала рыдания: они рвали горло от сознания, что она была не права. Она не сумела разглядеть в Толе мужества сделать выбор! И она – о радость! – ошибалась в нем!

Конечно, надо признать, что судьба вмешалась и облегчила его задачу: у его жены оказался любовник... И где-то в мозгу крутилась мерзкая и привычно-циничная догадка, что Анатолий не только (и даже не столько) любовью к Вере руководствовался, сколько нежеланием быть посмешищем с ветвистыми рогами... Но так хотелось поверить в ничем не омраченное счастье!

И Вера охотно послала все эти подспудные гнусные мыслишки подальше. «Пессимизм» был списан на издержки профессии и крепко припечатан словом «глупости».

В ней совершился переворот, словно тяжесть, душившая ее годами, упала с плеч, и она вдруг обрела легкую веселость и беспечность, которой у Веры и в молодости не было. Сугробы начали таять с невероятной быстротой, в душе

залились пением птички, и приход солнечной весны озарил ее лицо тем внутренним светом, который бывает у по-настоящему счастливых женщин.

И Анатолий, восхищенно глядя на нее, радовался, что сумел сделать этот трудный шаг.

Вера радостно кинулась в эйфорию проектов, планов, обсуждений устройства будущей жизни. Вот ей чего не хватало: планов на будущее! Только сейчас Вера поняла, до какой степени ее душило, угнетало отсутствие перспектив. Зато теперь их целое море: и как свадьбу будут праздновать, и куда в отпуск поедут, и главное – Толя дал ей понять, что хотел бы ребенка! Вера уж было поставила крест на своем желании иметь дочку. В первом браке у нее случился выкидыш, а потом... Оказаться матерью-одиночкой она не хотела, а не одиночкой все никак не получалось... Ну и что, что сорок один? На Западе и в сорок пять рожают, и ничего!

И Вера навестила гинеколога, чтобы избавиться от спирали. Чего тянуть! Ребенок появится на свет, как известно, только через девять месяцев, а за это время они все устроят!

Лифчик бомжихи

...Женщина кричала так долго и так страшно, что Стасик перепугался насмерть. Она ухватилась за свое пальто, пытаясь его запахнуть, и орала изо всей мочи, как если бы Стасик был насильником.

Он запоздало отпрянул от бившейся в неистовстве женщины.

– Нет, – кричала та, размахивая руками, – не смейте! Помогите! На помощь! Милиция! Не прикасайтесь ко мне! Не-е-ет!

– Я вас не трогаю, помилуйте, – прошелестел Стасик едва слышно, он едва не потерял дар речи от такого поворота дел. – Да не кричите так, я вас умоляю, у меня аж уши заложило... Вас все равно никто не услышит – мы в подвале...

- Помоги-и-ите!!! – еще истошнее завопила женщина. – Не трогайте меня!!!

- Да я же вас не трогаю! – рассердился Стасик. – Ну сами посмотрите: где вы и где я! Перестаньте орать, в самом деле!

Лицо женщины приобрело чуть более осмысленное выражение. Она вцепилась взглядом в физиономию Стасика, который все еще держал в руке зажигалку, освещавшую слабым и неровным светом эту странную сцену. Глаза бомжихи с недоверием ощупали Стасика с головы до ног: его одежду, его фигуру, неуверенно замершую на почтительном от нее расстоянии...

- Что вам от меня нужно? – спросила наконец женщина.

- Ничего, – удивился Стасик. – Это вам от меня что-то нужно! Зачем вы меня затащили в подвал?

- Я – вас? В подвал? – Женщина явно была не в состоянии осмыслить происходящее.

- А кто же тогда? Не сам же я сюда пришел?

- Вы сказали, что это подвал? А как я сюда попала?

- Наверное, открыли дверь и вошли. Я одного понять не могу: зачем я вам понадобилась? Вы меня даже не обокрали – кошелек на месте... Что со мной случилось, скажите мне? Я потерял сознание?

- Вы? Да вы что, в самом деле? Это я потеряла сознание! И вы меня сюда приволокли!

- Я вас тут нашел! Вы тут лежали! Без сознания!

- Врете! – женщина приподнялась на локте. – Врете! – убежденно повторила она. – Вы меня сюда затащили!

- Да вы что! С какой стати...

– Вы хотели меня изнасиловать!

– Это вы мне себя предложили! За десять рублей!

– Я-а-а?!?! – Женщина даже села от подобного утверждения, и полы ее пальто разошлись, вновь частично обнажив грудь. Но она, кажется, не заметила, а Стасик не посмел ей об этом сказать. – За кого вы меня принимаете? Вы... вы...

– «Вы, вы», – передразнил ее Стасик. – Не я, а вы! Вы собирали бутылки у помойки, а я мимо шел, и вы...

– Я?! Бутылки у помойки?! Да как вы смеете? Вы сумасшедший, да?

– Я очень хорошо помню! Вы собирали бутылки и попросили у меня десятку. Я не ответил, подумал, что вам эта десятка послужит, чтобы снова надраться... И тогда вы мне предложили, – Стасик даже немного приблизился к женщине, вглядываясь в ее лицо, чтобы убедиться в том, что так оно и было и память его хоть на сей раз не подводит, – и тогда вы мне предложили эту десятку отработать...

– Не смейте приближаться ко мне! – взвизгнула женщина. – Вы бежали за мной, я побежала от вас... Но вы меня догнали и ударили чем-то по голове, оглушили, я прекрасно помню! И потом вы затащили меня в этот подвал... – Она наконец посмотрела на свое пальто и, увидев оголившуюся грудь, быстро запахнулась. – Вы пытались меня изнасиловать! – вновь завизжала она. – Отойдите, я вам сказала! Не смейте!

Стасик хмуро отодвинулся и погасил зажигалку – нагретый металл уже обжигал пальцы. В слабом сером свете он видел, как женщина, подозрительно косясь на него, развернула торс к стене, поправила лифчик, затем, уже не прячась, застегнула одежду: блузку, кофточку, пальто...

И в этот момент до Стасика дошло, что это и впрямь не бомжиха! Не потому, что он ее узнал – темнота и расстояние мешали разглядеть лицо, – но вещи! Вещи были приличные, хорошие, ничего помоечного! Теперь он сразу вспомнил, что и ее лифчик ему показался незаношенным... Не то чтобы он знал, как может выглядеть лифчик бомжихи, но в тот момент, когда он склонился над женщиной, пытаясь привести ее в чувство, где-то в глубине сознания приятно отметилось,

что она опрятна... Да, именно: он ожидал учуять запах давно не мытого тела... И запах перегара! Его тоже не было! Он точно помнит – не было! Даже наоборот, какое-то слабое дыхание духов...

Та-ак, час от часу не легче. Что же это за дамочка и как она сюда попала?

– Послушайте, – заговорил он, не двигаясь с места, чтобы снова ее не напугать. – Только послушайте меня спокойно, прошу вас!.. Я не бандит, я вовсе не собирался вас насиловать, и мне от вас ничего не нужно. Поговорим спокойно. Лады? Как вы сюда попали?

– Ха, он еще спрашивает! Вы за мной гнались, потом ударили чем-то по голове, затащили в подвал, а теперь спрашиваете?

– Я не гнался за вами! Уверю вас, это был не я! Возможно, кто-то другой, но не я.

– Кто-то другой? А что же вы-то делаете в этом подвале? Ведь здесь именно вы, а не «кто-то другой»!

– Я... Понимаете, у меня какой-то провал в памяти. Я шел мимо мусорных баков, там была женщина... Пьяная, примерно вашего возраста, она собирала бутылки. И попросила у меня денег. Десятку. И сказала, что готова ее отработать. Вот почему я подумал...

– Это была не я! Это была другая женщина!

– Вот и я вам объясняю, что за вами гнался не я...

– Так как же мы оба тут оказались?

– Не помню. Ничего не помню с того момента, как она мне предложила отработать десятку! – сокрушенно ответил Стасик. – Вы вот хоть помните, что вас по голове ударили, а я просто ничего не помню, и все...

– Зажгите ваш огонь, – распорядилась женщина.

Стасик послушно зажег. Женщина некоторое время вглядывалась в его лицо, пытаясь понять, можно ли ему верить. На лице у Стасика отразилось почти детское отчаяние – он был растерян, повержен, раздавлен этим странным происшествием.

– Помогите мне встать, – уже спокойнее произнесла женщина, видимо, удовлетворенная результатами разглядывания Стасика.

Он с готовностью бросился, протянул руку крендельком, другой поддержал за локоть.

– Вы вправду ничего не помните? – переспросила она.

– Клянусь!

– Странная история. Значит, вы за мной не гнались?

– Нет. А вы не собирали бутылки у мусорных баков?

– Нет. Потрогайте. – Она взяла руку Стасика и приложила к своей макушке. – Меня вправду чем-то ударили по голове. Чувствуете шишку?

– Чувствую... – растерянно подтвердил он. – Но это не я, уверяю вас...

– Так вы же не помните? Может, и вы!

– Скажите... А вы где шли?

– По тропинке вдоль дома номер двадцать пять, там с обратной стороны тропинка, знаете? Я от родителей одного моего ученика возвращалась, такой тяжелый мальчик, пыталась как-то с родителями объясниться... Впрочем, к чему это вам... И вдруг услышала за собой шаги. Я пошла быстрее – шаги ускорились, я побежала – человек тоже. И вдруг – удар по голове... Дальше ничего не помню.

– А это где – дом двадцать пять?

- Послушайте, чего мы тут стоим? Дверь в подвал открыта?

- Я не успел проверить...

- Пошли! - Женщина подхватила свою сумку, лежавшую на полу, и пересмотрела ее содержимое. - Ничего не взяли... Пошли!

Стасик, вспомнив о своем пакете, обвел пространство вокруг огоньком зажигалки. Пакет валялся у подножия лестницы. Все приобретения Стасика были на месте.

Дверь оказалась не заперта. Они вышли на улицу, осмотрелись. Лестница, ведущая в подвал, находилась в торце многоэтажного дома, над ней был козырек. Прямо напротив торца стояли мусорные баки, Стасик узнал их.

- Вон там эта дорожка, видите? - Женщина показывала рукой на дом, находившийся правее и выше.

- Я там не был, - уверенно заявил Стасик. - Я с другой стороны шел, от метро. А бомжиха, она вот тут копалась, видите эти баки? И все, потом я ничего не помню.

Женщина покачала головой:

- Раз вы ничего не помните, так можете не помнить и того, что гнались за мной!

- Да как же я мог бы забыть такое? И потом, смотрите сами, у меня ничего тяжелого нет!

- Мало ли, - пожала плечами женщина, - камень подобрали... Ладно, - повернулась она к нему, - вы у меня ничего не украли, меня не изнасиловали, не убили. Может, и впрямь это кто-то другой был... Хотя очень странно, что этот другой затащил меня в подвал, при этом никак не воспользовавшись моим положением... Зачем тогда было тащить? И, главное, зачем было тащить туда еще и вас?

– А вдруг человек этот вас затащил, а потом бомжиха решила меня затащить и вашего человека испугала? Он и сбежал.

– А зачем бомжихе было вас сюда тащить? Допустим, вы отчего-то потеряли сознание: быстренько свистнула кошелек – и привет!

– Ну, мало ли, дело на дороге было, сами видите... Здесь света много.

– Предположим. Но тогда что ей помешало вас ограбить здесь, в подвале?

– Может, этот человек, который затащил вас, испугал ее?

– Она его, а он ее?

– Почему бы и нет, в конце концов?

– Рассказать кому-нибудь – не поверят! – Женщина снова покачала головой.

– Но вы мне верите? – с надеждой спросил Стасик.

– Даже не знаю... Кажется, верю, – вздохнула она. – Ладно, чего не было – того не было. Жива, цела, здорова, и кошелек на месте – в милицию не заявишь. Мне домой пора.

И, не попрощавшись, женщина торопливо пошла прочь, придерживаясь освещенной части дороги, и вскоре исчезла за поворотом.

Стасик, провожавший ее взглядом в каком-то оцепенении, встряхнулся, помотал головой и направился в свою сторону.

Насилие от сбербанка

Теперь их свиданиям ничто не мешало: Ирина Львовна съехала к любовнику, и они встречались практически открыто у Толи дома – Толя говорил «у нас дома»,

потому что, как только они поженятся, Вера переедет к нему.

У нее была своя чудесная двухкомнатная квартирка на Соколе: Вера продала однокомнатную, добавила денег, и Анатолий помог. Убранная и обставленная именно так, как ей всегда раньше хотелось и мечталось, квартира эта соответствовала во всем ее вкусу и мироощущению. И все эти три года была их с Толей домом, местом их тайных, урывками, свиданий, часов блаженства, уюта и единения. Они вместе украшали ее, Толя самолично заказывал мебель и сантехнику, принес дорогие безделушки из дома, из-за которых, как потом выяснилось, Ирина устроила ему скандал. В старинном, антикварном книжном шкафу разместил несколько роскошных изданий восемнадцатого века: «Им здесь место, – говорил Анатолий, – у тебя. Эти книги с тобой дружат, они тебе что-то говорят, а дома, – тогда «дома» было у него с Ириной Львовной, – а дома они молчат, им неуютно с Ириной...»

И хотя Веру радовало это новое Толино выражение «у нас», хотя она уважала его любовь к старому дому в центре, где жили три поколения Толиной семьи, ей было жалко расставаться со своей квартиркой, которую практичный Толя предложил сдать, как только она переедет к нему...

В Толиной же квартире еще витал дух Ирины, ее помпезные, тяжелые вкусы душили Веру. Она горела от нетерпения многое, если не все, поменять в обстановке, они с Толей уже начали прикидывать, как и что будет сделано и куплено, и это мирило Веру с мыслью о переезде... Но пока развод не состоялся, она решила ничего не трогать, только предвкушала грядущие изменения.

Это тоже было частью упоительных планов на будущее.

Единственное, что ее угнетало, – что у Ирины остались ключи от квартиры и она могла, теоретически, появиться в любой момент, даже самый интимный.

Но, по крайней мере, сегодня Вера была спокойна: Толя сказал, что Ирина зачем-то заходила с утра, а потом уехала на дачу. Сезон не дачный, январь, – но за какими-то вещами. Так что она им не мешает.

К дому Анатолия Вера подъехала довольно поздно, около восьми, – забежала после работы к себе, взяла кое-какие мелочи. Входя в подъезд, глянула на

весело, ярко освещенные, ждущие ее окна. И, уловив радостный всплеск, поднимающийся к сердцу, вновь укорила себя: вот, пессимистка, вот оно – твоё счастье, а ты не верила...

На лестничной площадке возле соседней квартиры стоял мужчина, будто в ожидании, что ему откроют. Покосившись на него, Вера направилась к двери Анатолия и вставила ключ. Но не успела его повернуть, как ее сжали сильные руки и на ее груди сомкнулись замком черные перчатки.

– Опаздываешь, голубушка! – тихо упрекнул Веру незнакомый голос.

Боковым зрением она заметила, как по лестнице к ней кинулись еще трое. Она успела слабо вскрикнуть, но кожаная перчатка закрыла ей рот.

Ее втолкнули в квартиру.

– Верочка, это ты? – раздался голос Анатолия и его легкие шаги. Двое мужчин отделились от Веры, и она увидела, что у них на головах натянуты шапочки, вроде лыжных, полностью скрывавшие лица; и не успел Анатолий появиться в коридоре, как он был схвачен, скручен и дуло пистолета вырисовалось в одной из черных перчаток.

Человек мотнул пистолетом в направлении комнаты. Веру и Анатолия втолкнули в спальню. Анатолий развернулся лицом к бандитам и произнес громко и уверенно:

– Объясните, что вам надо! Мы сопротивления оказывать не будем! Вам нужны деньги? Я их дам. Только не трогайте, пожалуйста, мою жену!

«Жена»! Даже в этих самых неподходящих обстоятельствах у Веры радостно встрепенулось сердце.

Анатолию, однако, никто не ответил. Его молча подпихнули к креслу, насильно усадили, примотали руки к подлокотникам широким техническим скотчем, а щиколотки слепили между собой и притянули к одной из ножек. Анатолий попытался что-то сказать, но один из мужчин приблизил пистолет к его губам и приложил стволом ко рту, требуя замолчать. Но, едва он отвел пистолет от его

губ, Анатолий снова заговорил властно и требовательно:

- Вы пришли, чтобы нас ограбить? Я готов отдать вам все ценности, которые есть в доме. Я отдаю, и вы уходите - договорились?

Мужчина с пистолетом запустил руку в карман, вытащил какую-то бумажку и аккуратно положил Анатолию на колени. Анатолий с изумлением опознал театральный билет, уже использованный, с жирным шрифтом внизу: «Партер». Он поднял глаза на бандитов:

- Что это означает? Что за приглашение на спектакль?

Мужчина с пистолетом - он явно был в группе главным - махнул одному из державших Веру, и тот, приблизившись к Анатолию, заклеил ему рот скотчем. Убедившись, что Анатолий привязан надежно и кричать не сможет, мужчина повернулся к Вере и снова махнул пистолетом.

- Раздевайся, - произнес один из бандитов. Голос был молодой.

Вера впала в ступор. Она не ослышалась? Он сказал...

- Раздевайся, - нетерпеливо повторил парень.

Вера посмотрела на Анатолия. В его глазах застыло отчаяние. Она медленно подняла руку к груди и дотронулась до застежек голубой песцовой шубки. Четыре пары глаз в амбразурах масок следили за ее движениями. Шубка упала с плеч. «Может, они хотят забрать шубу?» - все еще надеялась Вера. Но робкая надежда тут же пропала: человек с пистолетом вновь мотнул дулом, показывая: «дальше!» Вера медленно расстегнула пиджак костюма, глядя на Толю, в его напряженные и беспомощные глаза. А главный, которого она определила по пистолету, уже указывал на ее сапоги. Двое склонились к ногам Веры и быстро освободили их от обуви. Теперь она стояла в одних колготках на роскошном белом ковре Анатолия, покрывавшем весь пол спальни. И опять дуло пистолета указало: пуговицы блузки. Вера медлила. Анатолий не мог ей помочь, это ясно... И, кажется, никто не сможет ей помочь в этой ситуации... Она снова посмотрела на любимого, и ей сделалось совсем худо: у Толи в глазах стоял ужас беспомощности...

Пистолет нетерпеливо дернулся.

Вера медлила.

Пистолет прижался к ее виску.

Не глядя на Анатолия, Вера начала бег по пуговицам, пистолет торопил ее движения. Блузка была снята, за ней последовала юбка, затем колготки. Вера осталась в одном боди. Чудного пепельного цвета с кружевами. Мужчины окружили ее, и, даже не видя их лиц под масками, она почувствовала, как они заухмылялись, разглядывая ее. Наконец хоровод приостановился, и главный снова сделал указующий жест. Один из бандитов опустился на колени и расстегнул боди, которое, как известно, расстегивается снизу...

Сзади просунулись две руки и спустили верхнюю часть боди ей под грудь. Между ее бедер сзади всунулось колено, заставляя ее расставить ноги, и стая черных перчаток осела вороньем на ее тело.

В этом было что-то дикое, странное до ужаса, ирреальное. Что-то бредовое, как детский «ужастик» о черной руке, рассказывавшийся по ночам страшным шепотом в пионерских лагерях.

Вера закричала, как кричат в кошмарном сне. И тут же получила довольно чувствительный удар по лицу. Она задергалась молча, пытаясь вырваться, но крепкие руки держали ее, не давая сделать ни шагу.

«Воронье» перелетало с места на место, Веру гнули и наклоняли во все стороны, и черная, грубая, холодная кожа бесстыже приникала и проникала повсюду, безошибочно находя самые чувствительные точки.

Она боялась смотреть на Анатолия. Тот попытался закрыть глаза, чтобы не видеть, что делают с Верой. Но тут же дуло пистолета коснулось его лба:

– Не нравится, папаша? Чего морду-то воротишь, зенки закрываешь? Не рад, значит, что мы тут вчетвером твою бабу щупаем? А ты как думал? Баксами помашешь, так все сучки твои? – раздался тот же молодой голос. – А мы, видишь, и бесплатно пользуемся! У нас, как при коммунизме, – все вокруг народное, все

вокруг мое! – Парень довольно захихикал. – Тебя как учили в детстве? Что человек человеку?.. Правильно: друг, товарищ и брат. А с другом, товарищем и братом надо – что? Делиться! Вот ты и делишься свои добром, как хороший мальчик... Вернее, как хороший дедушка!

И он издевательски заржал. Ему вторили несколько приглушенных смешков остальных.

Под аккомпанемент этих смешков Веру рывком развернули спиной к Анатолию и вынудили наклониться. Все четверо образовали полукружье, но так, чтобы не заслонить Веру от Анатолия, которому был отведен «партер», – расстегнули как по команде свои одинаковые черные пальто, спустили «молнии» на брюках и ощетинились крепкими пенисами, на которые начали дружно натягивать презервативы.

Анатолий забился в кресле, отчаянно замычал, чем только развеселил насильников.

Вера с трудом осмысливала происходящее. Все это и вправду напоминало какой-то дикий спектакль... До такой степени странный, неправдоподобный, что, казалось, вот-вот кто-то из них рассмеется и скажет: «Ну будет, мы вас разыграли!»

Но это был не розыгрыш и не шутка. Если это и был спектакль, то Вере была в нем отведена роль жертвы изнасилования, и роль свою, похоже, ей предстояло исполнить по-настоящему...

И нешуточная реальность этого кошмара не замедлила подтвердиться.

– Смотри, смотри, глазенки-то не закрывай! – комментировал все тот же голос. – Хороша твоя женушка, а? Нам тоже нравится!

Вера на мгновение представила, на что именно сейчас должен смотреть Анатолий, и с трудом сдержала стон – стон стыда, унижения и бессильной ярости.

Она изо всех сил пыталась отключиться от происходящего, отделиться от собственного тела, содрогавшегося от движений мужчины в лыжной шапочке и черном пальто. Она старалась сосредоточиться, найти какой-то выход, что-то предпринять – что-то такое, что способно было бы положить конец этому дикому и бесстыдному спектаклю...

Зачем они сделали Анатолия зрителем? Они ее приняли за жену... Молодую жену, купленную за деньги... «Надо делиться...» Они себя мнят народными мстителями, что ли?!!

Неожиданно ее тело взлетело, оторвавшись от пола. Ее повернули, перевернули, – мелькнуло искаженное мукой Толино лицо, – перебросили с рук на руки, перехватили, и, зависнув в черных перчатках, ее тело стало раскачиваться под сильными и нарочито медленными толчками одного из мужчин, издевательски поглядывавшего на Анатолия.

Черные перчатки жонглировали Верой, как хорошо слаженный ансамбль циркачей. Она потеряла счет, она уже не знала, о какое черное пальто и сколько раз она обтерла нежную кожу бедер. У нее кружилась голова от этого нескончаемого болеро, ее уже начало подташнивать, ей было больно... Мужчины вскрикивали, кончая.

Но Вера, стиснув зубы, молчала, боялась за Анатолия. Она не видела его лица, до нее не доносилось ни звука с его стороны, лишь один раз она услышала, как все тот же голос снова потребовал от него открыть глаза.

– Смотри, смотри, папашка, наслаждайся! Когда еще так повезет! Такого и в порнушке не увидишь! А тут прямо с твоей б...ю в главной роли!

Анатолий забился в кресле и застонал.

– Что, старичок, обидно, да? Хочешь тоже поучаствовать? А что, мы не жадные! – проговорил молодой.

Один из мужчин направился к Анатолию и расстегнул ему ширинку.

– Давай, – Веру выпустили из плена тел и подтолкнули к Толе, – побалуй муженька!

Ее заставили наклониться над пахом Анатолия. Пистолет был рядом с ее ртом, понукая приступить к действиям. Сзади кто-то снова пристраивался к ней.

– Давай, давай! – требовал голос.

Вера плакала, и слезы падали на темные волоски.

– Давай, – нетерпеливо повторял молодой, пригибая ее голову. Вера прижалась губами к Толиному паху, мокрому от ее слез. Она боялась поднять глаза, но все же подняла и увидела, что Толино лицо искажено страшной гримасой. Он пытался хватать воздух, но заклеенный рот не позволял ему сделать глубокий вздох.

Сердце! У Толи сердечный приступ! Вера резко рванулась из рук насильников, но ее снова пригнули к Толиному паху.

– Чего растерялась, красавица? Не знаешь, как это делается? Чего ж он на тебе женился-то, богатенький Буратино? Чем же ты его взяла, если дела сделать не умеешь, а? Ну, не волнуйся, мы тебе поможем. Гляди, это делается вот так...

Черная перчатка сжала Толину мошонку.

Рыдания мешали ей говорить, но все же Вера выкрикнула отчаянно:

– Сердце! У него приступ!

– Да это от зависти, – ответили ей. – Что ж ты муженька-то обделяешь? Гляди, помрет без женской ласки! Обслужи уж...

Вера захлебывалась от плача.

– «Скору-ую», – выла она, пока ее отрывали от Анатолия и распластывали снова на полу перед ним. – Умоляю вас, «Скоруую»! Он же умрет, у него сердце больное...

– Зачем нам «Скорая»? Мы и сами управимся! – с издевкой комментировал голос. – Мы и сами скорые ребята... Ну-ка, раздвинь пошире... Пошире, я сказал!

Вера закричала. Она уже не думала ни о жестких ударах, которые должны были посыпаться на нее, ни о том, что их четверо, что у них пистолет – она кричала, но не от боли, не от ужаса, не от унижения – а оттого, что Толя умирал.

Однако, как это ни странно, ударов не последовало. Ей просто накрыли перчаткой рот.

Вера изо всех сил укусила перчатку.

Раздался вопль, и бандит резво отскочил от нее. К ней склонился другой.

– Ты чего? – тихо удивился он. – Больно, что ли?

– Мать твою, – увертываясь от перчатки, снова закричала Вера, – ублюдок несчастный, отморозок паршивый – да какими же словами тебе объяснять, что человек умирает? Его же спасти нужно!!!

Кажется, теперь они удивились все разом. Повернулись и уставились на Толю.

Вера, воспользовавшись моментом, буквально раскидала двоих, державших ее. Они почему-то позволили ей это сделать. Вера потянулась ко рту Анатолия и сорвала пластырь с его губ.

Четверо мужчин в черных пальто и масках не препятствовали ей, молча наблюдая.

– Дыши, дыши, Толечка, сейчас я врачей вызову, дыши потихоньку, я тебя прошу... – горячечно шептала она.

Анатолий хрипло и трудно дышал, дыхание причиняло ему боль. Лицо было мертвенно-бледным, с синюшным оттенком, глаза закрыты. Он почти не реагировал на окружающих, сосредоточившись на неимоверной боли, разрывающей грудную клетку.

– Нужно немедленно позвонить в «Скорую»! У него приступ! – неизвестно зачем кричала она бандитам, торопливо набирая номер.

Никто не помешал ей это сделать. Вера краем сознания удивилась: все четверо застегнулись, запахнулись, словно гости, которые выполнили долг вежливости и готовы отбыть, и если еще не ушли, то только потому, что хотели попрощаться с хозяйкой.

– Все, они выезжают немедленно! – Вера повернулась к неподвижному Толе, игнорируя молчаливых насильников. Ей даже не пришло в голову вызывать милицию: какими бы вдруг покладистыми ни выглядели насильники, они бы этого не потерпели...

Бандиты тихо пошептались между собой.

– Зачем ты так торопишься? – вдруг укоризненно проговорил все тот же голос. – Подождала бы еще минут пятнадцать! И нам совсем времени не остается! Пошли, мужики!

Они вышли из комнаты, не обернувшись на Веру, которая застыла от изумления, сраженная этим наглым текстом. Как будто она их сюда в гости пригласила! Они ей еще выговаривают, вы видели! Но, слава богу, они, кажется, отсюда выметаются...

Она очнулась от столбняка и снова кинулась к Анатолию. Нужно лекарство! Нужен нитроглицерин! Он где-то должен быть у Толи!

– Родной мой, – Вера присела на корточки у его колен, – подскажи мне, где нитроглицерин, – нежно произнесла она, поглаживая Анатолия по приклеенной к подлокотнику руке: нужно будет его освободить и помочь ему лечь, но сначала – лекарство.

Анатолий не ответил. Он сидел, свесив голову на грудь, глаза его были закрыты, лоб покрывал липкий пот, и грудь медленно и болезненно вздымалась. Вера заглянула любимому в лицо и поняла, что он без сознания. Она поднялась, бессмысленно оглядываясь, никак не приходя в себя и не понимая, что нужно предпринять... Легкий шум, донесшийся из гостиной, свидетельствовал о том, что бандиты еще не покинули квартиру.

Ей внезапно сделалось холодно, и она поискала глазами свою одежду. «Скорая» обещала быстро прислать реанимационную машину, нежеже, чтобы Веру застали в таком виде... Зябко поведя плечами, она стала одеваться. Застегнула боди, поправила бретельки. Колготки, юбка, кофточка.

На пороге комнаты снова возникли бандиты. В руках у них были неизвестно откуда взявшиеся пластиковые пакеты, чем-то набитые. «Еще и ограбили», – равнодушно подумала Вера. Бандиты оценивающе глянули на Анатолия через узкие щели черных забрал и покивали головами.

– Все, хозяйка, как в сбербанке. Бывай.

Вера оцепенела от подобного хамства. Пиджак, который она в этот момент надевала, так и повис на одном плече.

Один вдруг выступил из группы и направился к ней.

– Ручки!

Он вытащил из кармана веревку и картинно покрутил ею в воздухе в ожидании, пока Вера подставит ему руки.

Что-то подобралось к самому горлу, Веру словно подбросило неведомой волной.

– Убирайся вон! – разъяренно прошипела она и отпихнула бандита. – Пошел, сволочь! Пошел отсюда!

Она чуть не пинками вытолкала его к порогу комнаты, где стояли остальные, в полном изумлении разглядывая Веру. Поймав один из взглядов, она, задыхаясь от ненависти и отчаяния, кинулась к тому, что стоял ближе, и резко стянула лыжную шапочку с его головы. Бандит от неожиданности растерянно уставился на Веру, и, пробормотав: «Ты чего, рехнулась?», выдернул свою шапочку из ее рук и бросился вон.

Остальные вслед за ним быстро покинули квартиру Анатолия.

Вера в полном недоумении застыла на пороге. Если бы она знала, если бы она только могла предположить, что с ними так легко управиться! Она бы сразу вытолкала их из квартиры! Взяла бы швабру – и по задницам! Или сковородку – и по пустым головам! Трусы ничтожные, пришли с пистолетом, а женских кулачков испугались!

Она перевела взгляд на Анатолия. Он сидел по-прежнему, свесив голову на грудь. Надо разыскать нитроглицерин и попробовать запихнуть ему в рот! Толя без сознания, рассосать его не сможет, но ведь таблетка потихоньку и сама растворится?

Нитроглицерин нашелся в прикроватной тумбочке. Вера сумела вложить таблетку в приоткрытый рот Анатолия. Таблетка выпала. Вера снова вложила в рот таблетку, на этот раз поглубже. Затем разрежала витки липкого скотча, которыми Анатолий был привязан к креслу, отнесла их в мусорное ведро.

И села у его ног ждать «Скорую».

Что почем

Марина была до отвращения богата. Вернее, богат был ее отец, но ей ни в чем отказу не было – у нее всегда были и щедрые «карманные», и безотказная кредитка, соответствовавшая неиссякающему счету в банке. Отдельно оплачивались ее дорогостоящие прихоти, такие, как поездка в Австралию или Калифорнию. Короче, не жизнь, а малина.

Однако малина была с гнильцой. Марине ее богатство казалось таким наркотиком – и кайф, и привыкание, и тяжелое похмелье, и нет сил отказаться... Эйфория бездумных трат и чувство гадливости. Легкость жизни и тяжесть мыслей. Красивые вещи как следствие некрасивых поступков...

Марина не любила деньги. То есть она, разумеется, любила их тратить. Она была девушкой неглупой, отнюдь не ханжой, и превосходно понимала, что деньги дают свободу. Во всяком случае, ей. Папе было хуже: это ему нужно было эти деньги зарабатывать, а следовательно, свободы никакой у него не было,

наоборот, сплошная зависимость – от нескончаемых дел, от партнеров, от «наездов» всех желающих поживиться за его счет, от взяток и подмазок нужных людей...

Марина старалась не слишком вникать, как и что именно делает папа, поскольку вся эта его деятельность – как, впрочем, любая другая деятельность, связанная с крупными доходами, – дурно пахивала. А когда запах начинал долетать до нее, то ей сразу казалось, что это трупный запах. Конечно, папа никого не убивал, он работал в финансовых сферах и что-то там умело крутил, но... Как говорила мама, когда была жива и когда папа хвастался первыми успехами в бизнесе: «...А совесть не боишься потерять, Володя?» Мама была филфакской, и ее представления о добре и зле были вскормлены великой и совестью русской литературой – и ограничены ею же.

– А ты в бедности хочешь жить, Ася? – в тон ей отвечал папа. Тогда он был простым банковским служащим на весьма скромной зарплате и только начинал входить в «сферы», оцененный и приближенный к значительным лицам за профессионализм и предприимчивость. – И дочку хочешь растить в нищете? Она тебе, думаешь, спасибо потом скажет? Еще полгода назад мы даже мечтать не смели о том, что сможем ей Барби купить! А теперь посмотри – кукол у нее навалом, самых лучших, и сама одета, как куколка. Ты думаешь, будет справедливо ее всего этого лишиться? – припирал папа маму в угол.

Дочка была мощным аргументом, и мама сдавалась.

Со временем папа от финансового специалиста плавно перешел в самостоятельные бизнесмены; мама от статуса преподавателя и кандидата филологических наук перешла в безработные: это были годы, когда вузы опустели и преподаватели гуманитарного профиля оказались никому не нужны.

Чем успешнее шли дела у папы, тем больше замыкалась мама. Дневная пустота квартиры и собственная бездеятельность угнетали ее, а сияющее папино самодовольство вызывало растущее отвращение.

Скоро от тихого несогласия она перешла к депрессии. Папа все еще пытался ее урезонить:

– Я ничего плохого не делаю, Ася, поверь мне! Я просто умею зарабатывать деньги!

– Ничто не берется ниоткуда и не уходит в никуда – так, кажется, гласит закон физики? – усмехалась мама. – Я телевизор смотрю, Володя, и газеты читаю: я знаю, от кого и откуда к тебе притекают деньги и от кого они утекают, чтобы пополнить твои счета... Ты раньше руки не подавал непорядочным людям, а теперь принимаешь от них щедрые подачки и кланяешься...

Но снова папа вынимал из кармана свой джокер – Маринку, перешедшую к тому времени от Барби к дорогим шмоткам и дискотекам. И снова мама сдавалась, тихо и неотвратно погружаясь в депрессию...

Чем больше замыкалась в отчуждении мама, тем больше чувствовал себя виноватым папа.

Чем больше чувствовал себя виноватым папа, тем больше он баловал Маринку, словно у дочери пытался вымолить поддержку и прощение, выиграть ее как аргумент в споре с мамой.

Чем больше баловал Маринку папа, тем больше она отдалялась от мамы...

Чем больше отдалялась Марина, тем больше замыкалась в отчуждении мама.

У папа была собака. Гонка по бесконечному и бессмысленному кругу.

...Мама сдалась окончательно, она полностью проиграла этот мировоззренческий поединок с мужем, и депрессия уже не покидала ее.

Потом мама начала пить.

Потом папа завел любовницу. Марина с ужасом ждала развода – ей было уже шестнадцать, и она все прекрасно понимала...

...Как же так вышло, что Марина объединилась с отцом против мамы? Она никогда этого не хотела...

Марина с папой не расставалась. Папа брал ее с собой повсюду. Ему Марина нисколько не мешала, наоборот: юная дочь его очень украшала и придавала его деловому имиджу трогательный оттенок заботливого отца и безропотно несущего свой крест мужа-страдальца – все знали, что жена Кисловского пьет. Марина быстро пристрастилась к этим вечерним выходам, к этим деловым ужинам, к этим шикарным ресторанам и к оценивающим, хоть и прикрытым почтительностью, взглядам взрослых мужчин.

Мама смотрела с неприкрытым презрением на этот союз слабого мужчины, искавшего поддержки у неразумного дитя, и дочери, подкупленной не столько щедрыми подарками, сколько взрослой ролью подруги и доверенного лица, безраздельного владельца отцовских секретов и чувств.

Но что мама могла Марине предложить взамен? Свой полупьяный разговор?

...Как-то отец уехал в Питер по делам, они с мамой остались одни. Обычно Марина после школы готовила что-то поесть, звала мать. Молча ели, и Марина, сославшись на уроки, исчезала в своей комнате. В этот раз мама вдруг перегородила ей дорогу:

– Сядь.

В ее дыхании чувствовался алкоголь. Марина села.

– Скажи, тебе иногда приходит в голову, что ты и моя дочь? Не только папина?

Марина пожала плечами.

– Ты стала чужая... – горько произнесла мать. – За что? Чем я это заслужила?

– Но мама... Ты же сама не хочешь общаться с нами!

– Как это вышло, девочка моя, что ты так прочно объединила себя с папой? Да, у нас проблемы с твоим отцом... Но при чем тут ты?

- Ты так с ним себя ведешь... Мне его жалко! Потому что нормальная жена не должна себя вести так, как ты! Ты папу презираешь! А я его люблю! И мне не нравится, как ты...

- Погоди... А за что я его презираю, ты знаешь?

- Его не за что презирать! Он лучший папа в мире! Ты не имеешь права!

- Марина, ты ведь уже большая... Неужели ты не понимаешь, что он просто купил тебя?

- Не смей! - Марина плакала.

- Купил на грязные, ворованные деньги! Эти деньги делают несчастными всех: тех, у кого они отняты, тебя, меня... Меня он предал, тебя он развратил...

Мама протянула дрожащую руку, чтобы погладить дочь по голове.

- Девочка моя, ты взрослая уже, ты должна понимать такие вещи...

Марина отклонилась от материнской руки.

- Не смей! - повторяла она, губы дрожали, слезы крупными частыми горошинами катились из глаз. - Не смей так о нем говорить! Папа не ворует! Он зарабатывает! Он занимается бизнесом!

- Бизнесом? - с издевкой проговорила мама. - Проснись, дочка! В нашей стране нет бизнеса. В нашей стране есть только один промысел, только один способ разбогатеть: грабеж. Ты газеты читаешь? Или просто прикидываешься наивной дурочкой? Так удобнее, да? Совесть молчит, и ничто не мешает получать подарки?..

Марине захотелось маму ударить. Она вскочила и кинулась прочь из кухни, чтобы этого не сделать; заперлась у себя в комнате и долго рыдала.

Пару недель спустя мама вышла из своей комнаты на кухню, где папа с Мариной ужинали. В руках у нее был стакан, на треть наполненный неразбавленным виски.

Размашисто села на табуретку, чуть не упав. Старый неопрятный халат расползался на груди и на коленях. Марина посмотрела на мать с возмущением: как она может! В таком виде! При папе!

- Ну как, - произнесла с пьяной улыбкой мама, - уже дошел до инцеста?

Марина задохнулась от стыда за мать.

- Тебе нужно прилечь, - холодно ответил папа. - И не стоит вести такие разговоры при ребенке.

- Ребенок? Ты из этого ребенка давно сделал себе жену!

Папа ударил маму по лицу.

Марина проследила за его жестом с мстительным удовлетворением.

Мама выплеснула ему виски в лицо.

...Назавтра папа пришел с подарком для мамы. С колье из бриллиантов и сапфиров.

Но никто из них не верил в возможность что-то исправить.

На следующий день мама покончила с собой. Отравилась газом.

Марина очень плакала на похоронах. Она знала, что маму убили деньги. И еще она знала, что папа был на их, проклятых денег, стороне, - он был против мамы. И еще она знала, что сама она была - оказалась - на стороне папы. То есть против мамы.

Она не понимала, как это получилось, что они с папой оказались против мамы. Она маму любила. Папа маму тоже любил – когда-то...

Они были жестоки с мамой и потому потеряли ее.

Себя она извиняла недомыслием юности.

Папу она извиняла просто так: она его любила. За долгие, окрашенные в мрачные тона маминой депрессией годы он ей заменил всех – маму, друзей... Как она могла его не любить? Как она могла его осуждать? Он был самый родной, самый близкий, самый щедрый, самый красивый, самый...

Поэтому виноваты во всем были только деньги. Они были отвратительны. Но отказаться от них у нее не было сил. Марине, несмотря ни на что, нравилось быть богатой.

И, несмотря ни на что, ей нравилось быть «папиной дочкой». После маминой смерти, после шока и траура их совместные выходы участились – теперь некому было смотреть на них презрительно-осуждающим взглядом, когда они поздно ночью возвращались домой с делового ужина.

Марина эти выходы обожала. Упивалась атмосферой роскоши и вечного праздника, восхищенными взглядами, сопровождавшими их повсюду: красивый моложавый папа с красивой юной дочкой – какая пара! Марине не нужен был никто другой. Никто не мог оказаться достойным занять место у ее локтя. Никто не способен был вызвать такое завистливое восхищение. Никто не был так изыскан в одежде и манерах, так благороден лицом...

Никакой другой мужчина.

Она бы так, кажется, всю жизнь и прожила: с папой.

...Когда папа впервые привел домой свою любовницу, чтобы представить дочери – и Марина мгновенно поняла, что отец собирается жениться, – ее это потрясло. Молодая женщина была всего на восемь лет старше ее самой. Высокая, стройная – правда, на вкус: узкие плечи и грудная клетка, широкий таз,

длинные, полные в ляжках и тонкие в щиколотках ноги, – она напоминала породистую кобылицу. Марине сразу представилось, что у мужчин Наталья должна вызывать подсознательное желание ее оседлать, обхватить ногами этот мощный круп, стиснуть коленями этот умопомрачительный переход от тончайшей талии к крутому разливу бедер.

Ну кобыла так кобыла, дело совсем не в этом... Лицо! Оно было красивым и наглым. Откровенно наглым и блудливым. До сих пор Марина думала, что такие лица бывают только в кино – как раз на ролях молодых хищниц, охотниц за богатыми мужьями, – с печатью продажности на лице, с прозрачными распутными глазами, с большим ярким рыбьим ртом, готовым проглотить все, что имеет приличный денежный эквивалент.

– Папа, – только и сумела выдохнуть она, оставшись наедине с отцом, – неужто ты не видишь?!

– Не вижу – чего? – Конечно, отец не понял.

– Но ей же нужны только твои деньги! У нее это на лице написано!

– С каких это пор ты стала читать по лицам? – сухо осведомился отец. – Тебе восемнадцать лет, у тебя нет никакого опыта – что ты можешь знать о людях? – неприязненно продолжал он. – Наталья меня любит! Она так настрадалась в первом замужестве, она поняла, что почему в этой жизни! И во мне она ценит...

– Именно, именно: она прекрасно знает, что почему в этой жизни! И в тебе она ценит как раз это «почему»!

– Замолчи сейчас же! – повысил голос отец. – Ты уже взрослая, сама скоро замуж выйдешь, оставь мне устраивать мою личную жизнь так, как я хочу! Если тебе не нравится Наташа, так не ты ведь на ней женишься!

– Я не буду с ней жить! – выкрикивала Марина, глотая слезы. – Она дрянь! На ней печати негде ставить! Продажная девка, вот она кто! Как ты можешь не видеть, она же глазами все тут же оценила, все ощупала, всему стоимость прикинула! У нее вместо зрачков долларové знаки!

– Та-а-ак, – сказал папа холодно и спокойно. – Довольно! Повторяю: ты уже взрослая, и у тебя своя жизнь, а у меня своя. Тебе не придется жить с Наташей. Я тебе куплю квартиру, и ты будешь жить отдельно. Тема закрыта.

Так Марина и отселилась. Своя квартира, свой счет. Своя одинокая ревность, своя неразделенная боль.

Независима.

Самостоятельна.

Отверженна.

Точно так же, как когда-то – мама.

Папа больше не приходил утешить ее во всех печалях, папа больше не спешил развлечь ее и побаловать очередным подарком, папа больше не брал ее с собой на деловые встречи. Папа больше не говорил: «Моя любимая девочка».

Любимой стала другая. Дрянь.

Ну что ж, она научилась жить без папы. С папиными деньгами, да, – но без него.

Она закончила искусствоведческий факультет МГУ, устроилась на работу – хотела без папиных связей, но не вышло: информация о том, чья она дочь, бежала впереди нее, – в одну фирму дизайнером по рекламе. Зарплату ей дали хорошую... Смешно: она ни в чем не нуждается, и всем это известно, а поди ж ты, именно ей платят такие бабки, о каких другие и мечтать не смеют...

Марина давно поняла, что жизнь – нет, не жизнь, а люди, но это ведь они делают «жизнь»! – до изумления несправедлива. Деньги идут к тем, кто их уже имеет, успех к тем, кто уже и так выделен из толпы красотой или талантом. Марина понимала это без возмущения, можно даже сказать – принимала жизнь такой, какой успела ее увидеть и познать, разве что с оттенком брезгливости...

В ней словно жили два человека: ленивая сибаритка, которая любит роскошь и сорит деньгами, и трезвая, с ясным и скептическим умом женщина, прекрасно отдающая себе отчет и в том, что деньги – это свобода и красота жизни, и в том, что они развращают – ее, в частности... Это из-за них перед ней все заискивают, отчего ей тошно и противно, а слетающиеся, как мухи на мед, воздыхатели слетаются вовсе не на нее, а на ее богатство...

Она считала себя достаточно красивой: прямые темные волосы, голубые, небольшие, но очень яркие глаза – сочетание удачное, хотя, по мнению Марины, слегка подпорченное тяжеловатым подбородком. К тому же она умела себя подать. Но Марина была убеждена: будь она дурнушкой, это ровным счетом ничего не изменило бы. ореол ее богатства слепил так, что за ним просто невозможно было рассмотреть, что же такое Марина сама по себе.

Может, она была слишком придирчива, слишком подозрительна, кто его знает... Но Марина никому не верила. И никого не любила.

Когда-то она очень любила папу, но он ее предал. Как маму.

Когда-то она очень любила маму, но предала ее. Как папа.

В конце концов, она твердо знала: в жизни все выигрывают деньги. Все портят. Все сжирают на своем пути. Как они сожрали маму. Но выигрывают.

Марина привыкла к своей обеспеченной жизни в одиночестве, она его любила, как любила свою очаровательную трехкомнатную квартирку, которую постоянно вылизывала и украшала, как любила свою собаку Шаньку, трехлетнюю спаниельку. По крайней мере, в Шанькиной искренности можно было не сомневаться.

Она жила внешне спокойно и благополучно, изредка навещая отца и сухо здороваясь с Натальей Константиновной, стараясь не думать о том, на чем основан этот супружеский союз и к чему он может привести ее отца. В конце концов, он сделал свой выбор, и не было никакого смысла пытаться ему раскрыть глаза на Наталью. Он ее любит, она, должно быть, взяла его постелью – при взгляде на мачехин рот сразу представляется профессионализм в технике орального секса...

Марина не удивилась бы, узнав, что Наталья, будучи помоложе, работала проституткой по вызову (для панельной она была слишком роскошна и претенциозна). Или, например, снималась в порнофильмах. По ее мнению, Наталья должна была, просто обязана по жанру, изменять отцу; но отец, кажется, жил спокойно: не изменяла или не знал.

Марина была убеждена, что рано или поздно этот брак рухнет, так или иначе – но распадется, и Наталья покажет наконец свое истинное лицо отцу (остальным-то это лицо было ясно с первого взгляда!): либо откроются ее шашни на стороне, либо она бросит отца, если найдет себе другого идиота, еще богаче...

Пить вредно. Курить тоже...

Врач качал головой: «Здоровы, юноша. Клептоманы, чтоб вы знали, своих краж, как правило, не забывают. Они получают от них острое удовольствие и потом долго смакуют... Просто у вас нервная система не совсем в порядке, переутомление имеется... Впрочем, если будете так продолжать, то и нарушения психики не замедлят появиться. Вот вам рецептик на таблеточки успокоительные, принимать три раза в день... Алкоголь не употреблять в течение всего курса лечения. Да и вообще – не следовало бы злоупотреблять. А то не только память станет пропадать, а кое-что еще, чтоб вы знали. Пока вас девушки интересуют – не советую совмещать их с алкоголем. Так-то, юноша...»

Стасик вышел на улицу оглушенный. Разумеется, ему вовсе не хотелось, чтобы психиатр обнаружил у него какие-то расстройства, но... Но это бы все объяснило, вот в чем дело! А теперь – он здоров, и ничего не понятно.

Галка – та вообще не поверила в эту историю с подвалом. Губы поджала, глаза сузила, а потом сказала: «Знаешь, Стас, если ты завел кого-то, то лучше так прямо и скажи. А рассказывать мне сказки для младшего дошкольного возраста не надо».

Потом были Галкины слезы и клятвенные заверения Стасика, что все это чистая правда, что женщину ту он раньше в глаза не видел, и что-то с ним странное приключается в последнее время, и с головой у него явно проблемы...

Он уж почти отважился рассказать о ловле спелых звезд на крыше пятиэтажки, как Галя вставила: «И с алкоголем тоже!»; и история так и заглохла где-то в глубинах его гортани... И снова Стасик клялся, что сходит наконец к психиатру...

Вот, сходил. С чем пришел, с тем и ушел.

Страшно захотелось курить. Он бросил уже три месяца назад, и так трудно, так мучительно бросал, не следовало бы теперь... Но мочи нет, как захотелось! В такой нервной ситуации как не закурить?

И Стасик направился к ближайшему ларьку. Купив «Парламент» и зажигалку – она неприятно напомнила ему тот инцидент в магазине, – он попытался прикурить, но порывы холодного ветра сбивали пламя. Стасик развернулся спиной к ветру, склонился к зажигалке и тут – боковым зрением – увидел что-то странное: какое-то резкое движение. Подняв глаза, он еще успел заметить, как какой-то паренек в синей куртке подпрыгнул, словно наступил на пружину, и та откинула его за крайний киоск.

Стасику было о чем подумать, голова его была прочно занята безответными вопросами, которые только разбередил в нем визит к психиатру, и посему, пожав плечами – мол, всякие странности в жизни бывают, – он с наслаждением затянулся и побрел в сторону метро «Новослободская». Он шел не спеша, надеясь, что мысли как-то сами придут в порядок и он вдруг поймет, что с ним на самом деле происходит... Заново перебирал в уме все эти недавние события, пытаюсь восстановить самую крайнюю точку воспоминаний, нащупать грань, отделявшую сознание от беспамятства... Что он делал в тот момент? Почему, например, сел в метро и поехал в центр? Как забрался на крышу? Что произошло после предложения бомжихи отработать десятку? Но память решительно бастовала и отказывалась подsunуть ему хоть что-нибудь вразумительное.

Стасик миновал лотки с выпечкой и сладким, но вдруг притормозил и пошел обратно: нужно было купить хлеб, да и пряники не помешали бы...

Похоже, что парнишка в синей куртке все еще упражнялся в скачках: снова Стасик стал свидетелем его стремительного подпрыгивания с последующим исчезновением за одним из киосков.

«Прячется от кого-то», – подумал Стасик. Мысль показалась ему забавной и, главное, отвлекала от собственных грустных мыслей, и теперь он шел, оглядываясь время от времени, чтобы наткнуться вновь на смешные подскоки и чужую игру в прятки. Но что-то мальчишку было больше не видать, и Стасик вновь погрузился в размышления. Только садясь в поезд метро, он заметил потрепанную синюю куртку, пулей промчавшуюся мимо его вагона и вскочившую в соседний.

Всю дорогу паренек смирно простоял в толпе пассажиров затылком к Стасику и, лишь подъезжая к «Бабушкинской», на которой Стасик выходил, резко развернулся к дверям и даже слегка растолкал соседей, желая оказаться первым у дверей.

Тут-то Стасика внезапно осенило: паренек следит за ним!

Догадку следовало проверить, и Стасик, быстро поднявшись наверх, притаился за одним из ларьков.

Парнишка в синей куртке растерянно крутился в разные стороны, встав посреди площадки перед входом в метро, вытягивал шею, обшаривал глазами прохожих. У Стасика была неплохая возможность его рассмотреть: невысок, молод, лет двадцать максимум; волосы под вязаной шапочкой не видны, но светлая кожа и глаза выдавали русую масть. Морда проказливая, глаза быстрые, смешливые – нахаленок, одним словом. Воришка? Стасик пошарил по карманам: вроде бы все на месте.

Стасик был уверен, что никогда раньше Нахаленка не видел и с ним незнаком. Однако выходило, что раз парнишка за Стасиком следит, то он Стасика знает? Интересная картина получается...

Стасик вышел из укрытия и направился к киоску с дисками, краем глаза не упуская синюю куртку из поля зрения. Куртка враз присмирела, перестала крутиться и выжидательно приткнулась у лотка с книжками. Стасик двинулся, оглянулся: куртка тоже двинулась, но тут же развернулась к очередному лотку. Сомнений не было: парнишка следит за Стасиком.

Рука, не внемля доводам разума, снова нашарила сигареты и зажигалку. И в тот момент, когда Стасик пытался прикурить, он получил довольно чувствительный

толчок в спину. Впрочем, его тут же придержали за локоть, чтобы не упал.

Возмущенно обернувшись, Стасик приготовился было обругать неосторожного прохожего, как наткнулся на серые проказливые глазенки и беспечную улыбку Нахаленка.

– Извиняюсь! – вскинул парнишка руки жестом «сдаюсь». – Оступился!

И, помахав ему ручонкой, Нахаленок почесал вперед на всех парах в сторону, совершенно противоположную Стасиковой.

Стасик проводил его взглядом, покачивая осуждающе головой. Шалопай! Небось нарочно! Заметил, что Стасик на него посматривает, и sproказничал... Но зато теперь ясно, что он вовсе Стасиком не интересуется и грабить его не собирается.

Сигарета упала в мокрый снег в момент полученного пинка, и Стасик, направляясь к автобусу, вновь полез в карман за пачкой. Но пачки там не оказалось. Стасик проверил все карманы – пусто. Стасик вернулся на место, где Нахаленок налетел на него, поискал в снегу – нету. Неужто паршивец стырил? Или Стасик пачку обронил, а какой-нибудь шустрый прохожий ее успел подобрать?

Стасик решил, что это знак судьбы и что курить ему не следует.

Дома Стасик вскипятил чаю, достал пряники и сел ждать Галю.

Галя влетела десять минут спустя, как всегда румяная и энергичная.

– Был у врача? – с ходу налетела она с расспросами. – Что он сказал?

– Что здоров. А ты, случаем, уж не всерьез ли решила, что у меня сдвиг по фазе?

– Вот еще! Конечно, нет... А что еще врач сказал?

– Чтоб не пил.

– Вот и я говорю: не пей! – горячо поддержала позицию врача Галя. – А то так тебе и черти скоро начнут мерещиться...

Белый ковер

Врачи засуетились вокруг Анатолия, и Вера отошла в угол и уселась прямо на пол, на белый пушистый ковер, чтобы не мешать, чтобы не быть под ногами, хотя больше всего на свете ей хотелось сейчас сидеть рядом с Толей, держать его леденеющую руку, передавая ему, как при переливании крови, свою энергию. Она сидела в углу, подобрав под себя ноги, ни о чем не думая, ничего не понимая, ничего не слыша... В голове стояла одуряющая пустота, словно ее черепная коробка была комнатой, из которой съехали жильцы, оставив ободранные обои и незакрывающиеся двери; и теперь там, где раньше была жизнь, только гулко прогуливается ветер...

Этот ветер выдул последнее тепло, когда она услышала слова «остановка сердца». Внутри все смерзлось, превратилось в острую льдышку, которая больно колола виски. Так больно, что зрение Веры расфокусировалось и она никак не могла уловить, что происходит в комнате, что делают белые халаты, сгрудившиеся над Толей, что означают слова «кардиограф» и «дефибриллятор», что может означать словосочетание «клиническая смерть»...

Только спустя некоторое, неизвестно какое, время ее сознание зафиксировало движение: белые халаты разогнулись.

А Толя остался лежать.

И не шевелился.

И глаз не открывал.

– Толя, – позвала Вера, – Толенька, ты спишь?

Люди в белом странно посмотрели на нее. Очень странно. Вера медленно выбралась из своего угла, нетвердыми шагами приблизилась к кровати, на

которой неподвижно лежал Анатолий, и взяла его холодную руку.

– Ты слышишь меня, Толя? – настаивала Вера, потряхивая эту тяжелую, безответную руку, словно капризный ребенок, старающийся обратить на себя внимание матери, занятой взрослым разговором. – Слушай: у нас будет малыш. Я думаю, девочка... Ты хочешь девочку? А может, и мальчик... Еще рано, чтобы сказать точно...

Она устроилась на кровати рядом с неподвижным Толиным телом и положила его руку к себе на живот, поглаживая.

Один из врачей взял ее за плечо.

– Вы жена?

Вера кивнула. Конечно, жена, кто же еще?

– Дело в том, – начал врач и запнулся, – дело в том, что...

– Тс-с, – приложила Вера палец к губам, – вы его разбудите.

Врач немного растерялся и отступил на шаг, раздумывая.

Вера вдруг поднялась, аккуратно пристроив руку Анатолия на кровати, и, ни на кого не глядя, прошла к окну и распахнула его. В комнату ворвался морозный зимний воздух.

– Свежий воздух... – задумчиво произнесла Вера. – Ему нужен свежий воздух. Нам всем нужен свежий воздух...

С этими словами она забралась на подоконник и, выпрямившись, сделала шаг в морозную тьму, разделявшую окно на седьмом этаже и снег под ним...

Она еще успела подумать: юбка за что-то зацепилась. Порвется, дыра будет, нехорошо с дыркой на юбке...

Тот, который успел ухватить ее за юбку, вряд ли сумел бы удержать Веру за край ненадежной ткани, если бы двое других мгновенно не среагировали и не бросились бы на помощь. В три пары рук они втащили Веру в комнату и уложили на полу. На белом ковре.

– Е-мое, – сказал врач, мужчина лет сорока семи, закрывая дрожащими руками окно, и голос его сорвался.

Он склонился над Верой:

– Обморок.

– Может, нашатырь? – предложил другой.

– Не. Сейчас придет в себя.

Полез за сигаретами, вышел в кухню, открыл форточку, чиркнул спичкой, закурил. Затянулся слишком сильно и закашлялся, выпуская сизый дым.

– Все было, – глухо донеслось с кухни, – с того света сколько раз вытаскивал, а вот из окна еще не доводилось...

– Да, блин, история... – ответил ему другой, молодой, и достал из кармана фляжку со спиртом. – Вовремя ты ее отловил, Вить, а то бы так и сиганула в окно, идиотка... – Он отхлебнул спирта и вытер рот рукавом.

– Знаете что, мужики, – сказал пожилой фельдшер, бессильно опускаясь на подлокотник кресла, – я вот что вам скажу: первый раз вижу, чтобы жена так мужа любила, чтобы из-за его смерти – в окно...

И он покачал головой, то ли уважая, то ли осуждая, то ли завидуя чужой любви...

– Вить, будешь? – протянул молодой флягу со спиртом старшему коллеге, вернувшемуся в комнату.

Виктор молча глотнул и снова склонился над Верой.

– Ну все, очнулась... Сложите пока аппаратуру, – распорядился он.

Вера действительно зашевелилась, глубоко вздохнула, закинула руки за голову, открыла глаза и вдруг резко приподнялась на локте, обводя непонимающим взглядом комнату.

– Я не... Не умерла разве?

– Ты зачем в окно прыгала? – строго спросил ее Виктор, словно нашкодившую девчонку. – Что за дела?

Вера легла обратно на ковер и вытянула руки вдоль тела.

– Я не хочу жить, – сказала она, глядя в потолок. – Мою душу уничтожили. Тело тоже.

– Ты мне это брось! – еще строже произнес Виктор. – Надо же такое придумать! Жить она не хочет! Кто ты такая, чтобы решать? Бог дал – бог взял!

– Вы ведь не верите в бога. Зачем говорить? – слабо произнесла Вера.

– А ты откуда знаешь? – рассердился Виктор. Это он нарочно рассердился – старался втянуть женщину в разговор, надеясь, что несостоявшийся суицид был вызван шоком, и, придя в себя, она сама испугается своего жеста.

– Знаю, – равнодушно ответила Вера.

– Ну и что, что не верю? – не стал спорить Виктор. – Все равно: это справедливо. Как философия. Никто не имеет права отнимать у человека жизнь. Даже у самого себя. А как ты все же догадалась?

– Я чувствую... – Вера прикрыла глаза. – Толя умер? Его нельзя спасти?

Виктор не ответил.

Вера перевернулась на живот и уткнулась лицом в пол. В белый ковер.

Виктор дотронулся до ее плеча.

Вера не шелохнулась.

– Слушай, – он присел на пол подле нее, – я понимаю, ты мужа, видно, очень любила... Правда?

И, не дождавшись ответа, продолжил:

– Только пойми: горе, даже очень большое, оно все равно не стоит смерти... Это только в первый момент так кажется, что жить больше не хочешь... Поверь мне, я самоубийц повидал... Они все умоляли: «Спасите, доктор!» Все без исключения, понимаешь ты? Думали, что не хотят жить, а оказалось – хотят... Только вот не всех спасти можно было... Это страшно, девушка... Тебя как зовут?

– Вера... – еле слышно проползло сквозь густой ворс ковра.

– Это страшно, Вера... Не делай глупостей, очень тебя прошу! Ты молодая, красивая женщина, ты еще будешь счастлива... Я понимаю, сейчас ты в это не веришь и даже не хочешь быть счастливой без него – без человека, которого ты любила... Но ты должна жить, ты не вправе лишать себя этого дара... А будешь жить – будешь и счастлива... Слышишь, Вера, ты мне пообещай, что больше глупостей не будешь делать, а?

Он погладил ее по плечу. Плечи дрожали.

– Поплачь, поплачь, это самое лучшее в такой ситуации. Худо, когда слез нет...

Вера приподнялась на локте и посмотрела на врача. На ее лице не было никаких следов слез, более того – оно было спокойно и почти безмятежно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Австрийский поэт и философ, 1921—1988. Пер.В. Куприянова.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-garmash-roffe/shalosti-nechistoy-sily>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)